

Шмелёв И. В.

История села Мотовилово
Дневник
(тетрадь 16)
1930 г.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Иван Васильевич Шмелев
Александр Юрьевич Шмелев
История села Мотовилово.
Тетрадь 16. 1930-1932**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70330825

SelfPub; 2024

Аннотация

Более 50 лет Шмелев Иван Васильевич писал роман об истории родного села. Иван Васильевич начинает свое повествование с 20-х годов двадцатого века и подробнейшим образом описывает достопримечательности родного села, деревенский крестьянский быт, соседей и родственников, события и природу родного края. Роман поражает простотой изложения, безграничной любовью к своей родине и врождённым чувством достоинства русского крестьянина.

Содержание

Васька Демьянов и радио	4
Осень. Нарождение Нади. Марфа и Семион	8
Покров. Водяная мельница и Рыбкин	14
Собрание о колхозе. Ершов и колхоз	21
Яков и колхоз. Грабители и Барсик	27
Обобществление. Продажа «Серго»	32
Ванька в Арзамасе на учёбе	41
Смятение души у Василия Ефимовича	45
Дуня и Федька Лабин	51
Работа в колхозе. Василий Ефимович и конный двор	58
Ершов на косьбе и на сенокосе с Дунькой	64
Серёга и Анисья	69
Делегация в колхоз «Привольная жизнь»	75
Анисья и Дунька Захаровы. Смирнов	79
Пятилетка. Индустриализация. Автозавод.	88
Торгсин	
Собрание колхоза	91
О выходе из колхоза	103
Выходцы из колхоза и лошади	109
Отбирание лошадей	114
Раскулачивание и выселение	117

Иван Шмелев

История села Мотовилово.

Тетрадь 16. 1930-1932

Васька Демьянов и радио

Ваську Демьянова, давно объяла мысль, во что бы то ни стало обзавестись радиоприёмником. Позавидовав на Саньку Федотова, которому из Сормова привёз отцов двоюродный брат и установил у них в доме детекторный приёмник. Все ребятишки улицы сбегались, чтобы, надев на голову наушники с замиранием сердца слушать передачи из Москвы. Ваське, конечно, Саньке давал послушать, но ненадолго – тут же срывал с Васькиной головы наушники и слушал сам. Ниточный телефон, который с успехом, и наслаждением занималась детвора: протягивая ниточный провод с улицы куда-нибудь в огород за баню и при помощи двух, пустых коробок из-под спичек, прикреплённых к концам провода Ваську, не удовлетворял. Ему захотелось тоже обзавестись настоящим радиоприёмником и наслаждаться слушанием радиопередач начинающихся с позывных возгласов дикторов обычно Ольги Фриденсон или Телятникова: «Алло, алло! Говорит Москва, радиостанция имени Коминтер-

на». Кое как сколотив средства в сумме 2 руб. 50 коп. Васька, в один прекрасный день, дождавшись, когда мать, спозаранку ушла в поле на жнивьё, пыхнул в Арзамас за покупкой. На станции Серёжа, Васька украдкой от кондукторов сел на один из пустующих тормозов товарного поезда и благополучно доехал до Арзамаса. На станции Арзамас-1 при высадке с тормоза, Васька получил по затылку хорошую затрещину, промасленной рукавицей от кондуктора за самовольный проезд на тормозе. Но Ваське, этот удар, показался «как муха крылом», и не положив его в счёт, он в припрыжку побежал в город. Когда Васька, взамен денег получил в руки давно замышлённую вещь, он со всех ног ринулся в обратную дорогу пешедралом, благо он был босым. Расстояние от Арзамаса до села, в 25 километров Васька преодолел каких-то часа за три. Прибежав домой и малость отдышавшись от марафона, он сразу же принялся за установку своего сокровища – радиоприёмника. Перво-наперво, ему спонадобились две жердины на мачты для антенны – сунулись во двор, но таковых не оказалось. Он вернулся снова в избу. Васькин взор привлекли стоявшие в чулане в углу у печки ухват и кочерга. Мысль и находчивость сработали моментально. Схватив ухват и кочергу, Васька влез с ними на крышу, своей невзрачной избёнки и водрузил материн кухонных инвентарь на конёк. Между торчащими над крышей ухватом и кочергой Васька протянул антенну, один конец которой продев через щель над оконной рамой протянул в из-

бу. Васька, залезши в подпол устроил там заземление просунув конец проволоки через щель в полу. Когда Васька, оба конца антенны от заземления воткнул в нужные гнёзда радиоприёмника и надел на голову наушники, он тут же услышал шорох и звуки отдалённой музыки. От радости Васькино широкое лицо расплылось в улыбке и стало похоже на месяц во время его полнолуния. Покрутив за ручку регулятора, из наушников в Васькины уши явственно полилась приятная музыка. Васькиному восторгу не было конца. Остаток дня он почти не снимал с головы наушников, наслаждался музыкой и речами дикторов (Телятникова и О. Фриденсон). Почти пред самым приходом матери с поля, Васькино внимание привлекла написанная и прилепленная им же в чулане, (чтоб не забыть) вывеска, гласящая: «Кур кормить три раза в день». Он как оглашённый, спохватившись как бы не подошли, бросился кормить кур, но куры преспокойно разгуливаясь по улице, собирали утерянныи зёрнышки и не думали подыхать. По пришествии матери из поля вечером, она спохватилась ухвата и кочерги обвиняя в пропаже инвентаря Ваську. Но Васька, употребив хитрость, нахально врал, и не признался в том, что похищение кухонного инвентаря — дело его изобретательных рук. Он ухват и кочергу, преднамеренно, укрепил на крыше вниз рогами, чтоб мать не догадалась. И чтоб погасить материн гнев от пропажи, Васька как-то искусно накинул наушники на её голову. Она сначала было вспльчиво взрызнула на Ваську, но когда слышала

ла явственные звуки музыки, она успокоилась приутихла от удивления выставив оба указательные пальцы пред Васькой, она демонстративно проговорила в полголоса:

– Тише Васък, я чево слышу, музыка играт! – от удовольствия она даже стала улыбаться, перестав ругаться из-за пропажи.

Довольный успехом всю расхохотался и Васька.

Осень. Нарождение Нади. Марфа и Семион

«Уж небо осенью дышало!» Стоял конец августа во всём предчувствовалось приближение осени. Листья на деревьях стали заметно желтеть, трава стала жухнуть, облака на небе стали мелкими, по форме напоминающие стадо пасущихся барашек, уже почти не стало тех летних пышных кучевых, сгущающихся в дождевые тучи облаков. На смену им появились пустые облака-малыши. Незаметно подошла пора картофельного рытья, самое трудное для крестьянина время. С уборкой картофеля люди справились, сравнительно за короткий срок, благо погода стояла солнечная и тёплая. До 1-го октября вся картошка была уже в подполах 30-го сентября, семья Савельевых пополнилась ещё одним человеком – народилась Надя. Санька, чтобы ободрить болезненную после родов мать сказал:

– Вот и хорошо, что народилась девочка, тебе мам помощница вырастит!

– Ну да, не плохо! А то вы почти одни парниши, а эта всё мне помощницей будет! – отозвалась мать.

Ванька с отцом в этот день, перепаживали картошку на усадьбе за сараем, отец пахал, а Ванька собирал выпажанную

картошку, с корзиной шагая за отцом.

В первых числах октября вдруг похолодало. Задождало и подул ветер «сиверко». Продолжительный, как через сито сеянный дождь, обильно возмочил землю, на дорогах появилась липкая грязь. Несмотря на прохладную погоду, колхозники в поле поднимали зябь – готовя землю к весне. Шагая за плугом, вместе с молодыми пахал и Семион Селиванов, среди пахарей моложе, он выглядел настоящей букой, одет в дырявый кафтан, на ногах лаптищи, в рванной шапке. В каждую дырку Семионова кафтана забирался ветер и зловредно охлаждал истощённое тело Семиона, но он бодрился и не сдавался, чувствовал себя героем. Вообще нравилось Семиону пребывание в колхозе, с первых же дней ему понравилась колхозная жизнь. То ли дело в колхозе-то, запрёт лошадь съездить, куда бригадир пошлёт, поставил свою кобылку на общественный двор, сдал её конюху и о кормёшке не думай, конюха её накормят, а мне за работу-то бригадир палочку поставит.

– Не житуха, а одна благодать! – с довольством бахвалился Семион перед своей старухой Марфой.

И вот сейчас шагая за плугом, в который впряжена его же обобществлённая кобыла, Семиона что-то вспомнилось о своей Марфе. В его памяти стали всплывать и проходить перед ним отдельные эпизоды их совместной супружеской жизни. Семиону вспомнилось и то, что Марфу в селе счита-

ли колдуньей. Ему вспомнилось, как однажды в первый год их совместной жизни, Марфа перед свадебным поездом вывалила на дороге мусор, из-за чего одна лошадь вздыбилась и изноровившись не хотела трогаться с места, за что свадебники хотели наказать Марфу за злоумышленность.

– А чего я плохого-то сделала, только избной сор на дорогу выбросила, не подумайте с какими заворжками, а просто так, подмела избу, а сор-то на улицу, куда же его больше-то?! А вы уж наверно подумали, что я колдунья какая?! – с боязнью, как бы не поколотили оправдывалась Марфа перед подвыпившими мужиками, которые разгорячившись угрожающе махали кулаками над Марфой.

Шагая за плугом. Поправляя полы кафтана чтобы не так знобко поддувал ветер и дул в руку, Семиону вспомнилось и такой случай. Годков пять тому назад, Семион будучи уже шестидесятилетним стариком, плетя лапоть, что-то не в меру разговорился и вспомнил свою молодость признался перед своей Марфой.

– Ты знаешь баушк, ведь я в молодости-то изменял тебе, бывало, когда с извозом приходилось по незнакомым сёлам ездить.

В ответ на его признание, как бы нелестно в отместку, Марфа неосмотрительно, тоже призналась в своих грехах. Как она в молодости, будучи уже за Семионом замужем, собирая в лесу грибы, позволила себе близко встретиться со своим бывшим женихом. Это признание о любовных похож-

дениях Марфы, не в шутку рассердило Семиона. В приливе яростной ревности он с криком обрушился на старуху:

– Ах ты старая кочерга, – и не сдержавшись, со злостью запустил в Марфу кочедыком.

Марфа, охнув, зажала окровавленную щёку, застонала, запричитала. На пол закапала старушечья, темноватая кровь... Как бы подслушивая Семионовы мысли, его кобыла вдруг остановилась, он её понукать, а она изноровившись ни с места, он её кнута, а она лягается и не хочет производить пашню дальше. Семион похлопотав около лошади даже весь вспотел, и только потом догадался о причине её норова. Засунув руку под хомут, он обнаружил натёртость на лошадин, нащупал шишку с добрый кулак. Подвязав подкладку, чтоб хомут не тёр, Семион снова двинулся с плугом по борозде. Пронзительный ветер, ещё сильнее начал холодить его вспотевшее во время хлопот тело, и вскоре он почувствовал, что сильно промёрз. Но бросить работу до окончания дня нельзя, и он терпеливо дорабатывал до конца урочного времени. И дрожа всем старческим телом, Семиону всё же подумывалось: «как бы поскорее закончить пахоту и поехать домой, отогреть свои иззябшие кости в тепле своей избы». Но видя, что его спарщики, товарищи по пахоте преимущественно молодые колхозники, всё ещё задорно продолжают пахать Семиону в досаде, с упрёком подумалось: «Им-то что, они неугомонная молодёжь. Им любая работа в игрушку, а мне старику каково, уж видно для меня – тyani лямку пока не вы-

роют ямку!» Приехав домой, и распрягнув лошадь, сдав её конюху, Семион поспешил домой.

– Эх, Марфа, нынче что-то я озяб до самых костей меня ветром пробрало! – разуваясь из лаптей, пожаловался Семион старухе.

Он долго копошился, развязывая верёвочные узлы от холода заочневшими руками. И забравшись на печь греться, он перемёрзшими руками перво-наперво дымно закурил. Сквозь облако зеленовато-сизого табачного дыма, едва виделось его худое, по-стариковски дряблое и морщинистое, похожее на печёное яблоко лицо. На призыв Марфы ужинать, Семион не слез с печи, пожалуясь на немощь, охватившую его всё тело. Старик, по всей видимости, крепко простыл и тяжело заболел. В пылающем жару, Семион пролежал три дня, и на четвёртый день улучшения в его здоровье не было, от поездки в больницу он наотрез отказался. Для облегчения, накидывала ему Марфа горшки на спину и это не помогло, а наоборот вроде-как отняло последние силы. Он лежал на лавке вверх лицом, тяжело дыша и не издавал ни единого звука, едва поддавая признаки жизни. Бабы и старухи, навещавшие больного, отозвав в сторонку Марфу, предугадано, украдкой нашёптывали ей на ухо.

– Нет, он уж не жилец, вышь он уж в одну лок дышит. Вот-вот изойдёт. Чего уж тут видимый конец, – пророчили Марфе старухи.

На шестые сутки своей болезни в ночи Семион скончался. Не пришлось старику пожить подольше при колхозной жизни, не пришлось ему избавиться от вечной бедности, не пришлось избавиться хотя бы от рванного кафтана и от дырчатых от износа лаптей. На третий день, как он умер, его хоронили. По улице медленно передвигалась похоронная процессия. За гробом шла сторбленная Марфа и её, и Семионовы родственники. Издали видно, как у многих баб и старух руки сложенные крестным знаменем крестят в грудь, головы наклоняются в истовых поклонах, у некоторых из провожающих видны на глазах слёзы.

Покров. Водяная мельница и Рыбкин

Вот и снова осень. Вот и снова Покров... Как только отошла обедня и люди придя домой только что пообедали, а на улицах села уже появились первые пьяные. На улице Забегаловке, призывно заиграла гармонь, это Миша Комаров вышел из дома со своей восьмипланочной гармонью. Которая басовито заиграла в его руках. На призыв голосистой гармонии вышли из домов на улицу парни-женихи, выпархивали нарядные, как маков цвет девки. Как и обычно среди первых пьяных, по улице промотался Федя Дидов. Он как шестолонный впёрся в дом к Савельевым и своим ломанием взбулгачил всю их семью.

– И когда ты головушка, только успел нахлестаться-то? Обедня только-только отошла, и мы не успели пообедать, а ты уже налычался! – упрекнул Федю Василий Ефимович, страшно не любивший Федино пьяное ломанье.

А Федя, окинув пьяным взором стол, и оценив содержание стоящей на нём выпивки и закуски, помнил в себе:

– Тут есть поживиться, и выпивка есть и закусить есть чем. Эх, налей-ка Василий Ефимыч стакашок, у меня видимо губу разъело!

Хозяин из уважения к гостю налил два стакана самогонки,

и они, взаимно звонко чокнувшись, выпили. Федя, развязно сидя на деревянном диване, принялся смачно закусывать сырой свининой, специально нарезанной для закуски. Кошка, сидевшая под столом напоминая о своём присутствии, настойчиво тёрлась о Федины ноги, просила есть, чтоб кто-нибудь бросил ей с праздничного стола кусочек мяса. Федя, учуяв кошкины хлопоты, пнул её ногой, от чего та испугалась и бросилась наутёк.

– На дворе куры ощипываются, должно быть к дождю! – возвестила бабушка Евлинья возвращаясь со двора, куда она ходила по своей надобности.

– А мы дождя и грязи не боимся – пьяному море по колено! – пьяно ухмыляясь проговорил Федя, который успел подцепить ещё полный гранённый стакан и выпить его до дна.

Сделавшись совсем «на делах», Федя размашисто ковыляясь вышел от Савельевых и шатающей походкой побрёл вдоль порядка изб. А на улицах села сплошной пьяный шум и гам, звуки гармоней и девичьи песни. С наступлением тёмного вечера уличный гам не прекратился, по улице с песней прошли девки, пьяно и развязно прогорланили парни: «Мы по улицам пройдем, не судите тётушки, дочерей мы ваших любим, спите без заботушки!» Здесь третий куплет из-за приличия пришлось в конце изменить, на само же деле он был пропет похабно, но с большой долей правды. Это вульгарная песня встревожила некоторых отходящих ко сну баб, заставила тревожно и обеспокоенно перевернуться

в постели.

– Отец, слышь, чего парни-то поют? – больно толкнув локтем в бок дремавшего рядом в постели Емельяна Авдотья.

– Да слышу, не глухой! – злобно огрызнулся Емельян.

– Как бы в самом деле нашей Наташеньке чего не состряпали! Они вон какие жеребцы! Прогавкали аш стёкла в окошке зазвенели! – с тревогой за дочь высказалась Авдотья.

– Да уж к ним любая девка в руки попадётся, так скоро не вырвется! Одним словом сомольцы, дьяволы! – с беспокойством высказался и Емельян.

– Вот, Наташка принесёт нам с тобой в подоле гостинец для забавы!

– Чего хорошего, а этого только и жди! – без особого возмущения отозвался Емельян, переворачиваясь в постели на другой бок.

На второй день праздника, по селу пьяных было больше, чем в первый его день. Артелями и в одиночку, с песнями и втихомолку, то там, то тут разгуливаются пьяные люди. Один, ещё молодой мужичок, натсолюлюкался до того, что не может идти на ногах. Он беспомощно ухнул в придорожную лужу грязи и валандаясь в ней, ещё не совсем потерял самообладание пьяно бормоча разговаривал сам с собой. Видимо, чувствуя, что он ещё не дома, а, видно, ему хочется добрести до своего семейного очага, он ползком на карачках карабкаясь по луже, уговаривал сам себя: «Миша,

домой! Миша, домой! Ползком, а пробирайся домой! И не оставайся на улице на погибель! Ползком, а домой!» На его столь странное «гулянье» никто не обращал внимание (каждый гуляет по-своему) только вездесущие ребятишки-подростки с интересом смотрели на это бесплатное представление. Вскоре, этот гуляка, видимо, совсем выбившись из сил прекратил своё продвижение домой, он, завязши в густоватой грязи приумолк и совсем поддавшись силе хмеля тут же и заснул. Лёгкий ветерок, игриво перебирая волосы на его голове, слегка шевелил закудрявленные пряди, а он, распластавшись в грязи не подавал никаких признаков жизни. Случайно бежавшая мимо его собака, подошедши к нему заботливо обнюхала его с головы до ног и с видом безразличия, поднявши ногу, помочилась на него, отошла прочь и побежала по своим собачьим делам вдоль улицы. С интересом наблюдавшие через окно из дома Анна Гуляева с Прасковьей Трынковой за этим спектаклем, сперва охали, да наслажденно смеялись, а потом и им надоело. Чтобы угостить гостью чем-то Анна, достав из сундука укромно спрятанный фигуристо-узорчатый с журавлями пустой графин из-под коньяка, стала показывать его своей гостье Прасковье.

– Вот этот, красивый и дорогой графин, подарила моей покойной бабушке Катерине, светлой памяти покойная графиня Аграфена Евграяфьевна, когда моя бабушка Катерина служила у графини в прислугах, на должности куфарки! – расхваливалась своей дорогой реликвией перед гостьей де-

монстративно вертя графином перед самым носом Прасковьи.

Прасковье графин тоже понравился, уж больно он был изящен, фигурист, радужно разукрашен, переливался всеми цветами радуги и восхищал ещё тем, что внутри его был отлит из стекла золотой петушок, всем на диво было и как он мог залезть в нутро графина через узкое горлышко.

Весь третий день праздника шёл дождь, всё равно, что небо разверзлось и на землю хлынули мощные потоки дождя, отчего земля расступилась размокла, образовалась непролазная грязь, создав дорожную хлябь. Наступил какой-то буйный, неудержимый разгул стихии.

– На улице-то дождик и несусветная грязища – ноги не вытащишь, вот если в такую-то если ехать куда доведётся, так никаких денег не надо! Не приведи, Господи, – высказался Василий Ефимович, придя домой из гостей от свата Ивана.

А дождь всё лил и лил, разжижая и так уже размягшую землю, ветер играючи гонял в лужах опавшие с деревьев листья, всюду на улице пахло лиственной прелью. Через неделю вдруг погода изменилась, небо выяснилось, землю сковал мороз, а ещё через два дня не смело посыпался снежок.

– Вон, сверху-то снежок попрашивается! – известила бабушка Евлинья, смотря в окно и наблюдая за падающими редкими снежинками. – А скоро и совсем снег повалит! – добавила она.

– А, как ты знаешь, бабк? – спросил её Васька.

– А вон гляди, на воле-то снежинки, как клочья ваты падают.

И вправду, не прошло и получасу, как на улице разразилась несусветная метель, от густого снегопада всё вокруг потемнело, в воздухе в беспорядке мельтешились миллионы крупных снежинок. И на землю поднавалило столько снега, что земля, крыши и деревья оказались укрытыми под толстым снежным слоем. А вскоре ударил мороз, вот и зима. Так неожиданно и рано наступившая зима всех напугала. Заставшая врасплах зима, многим придала неотложных работ. У кого оказалось дров ещё мало запасено, у кого не докрыт двор, а у кого хлеба мало намолото, поспешили на мельницы. На ветряных мельницах сразу же оказалось завозно, некоторые ринулись на водяную. Общественную водяную мельницу в лесу на Сущёвке, арендуют Рыбочкины. Проявляя заботу об односельчанах, они летом и зимой в безветренное время, когда у хлеба да без хлеба предъявляют свою услугу мужикам, своим постоянным присутствием на мельнице. То дедушка Фёдор, то сам Михаил Фёдорович, дежурили на мельнице, обслуживая помольцев. Журчит и поёт свою неугомонную песенку лесной ручей, хлопотливо пробираясь меж корней вековых деревьев. Наросших древним мохом. Этот-то ручеёк и вертит заботливо мельничное колесо, своей водой наполняя ковши, которые и заставляют колесо вращаться и день и ночь. Полтора года тому назад, лесник Смир-

нов спалил дотла водяную мельницу, так заботливые мужики Рыбочкины, заново её построили и стали услужливо для сельчан молоть рожь переделывая её в муку. Но вот случилась беда. В ранний сильный мороз, принамёрзло на ходовом колесе много льда, что сильно тормозило во вращении колеса. Михаил, вооружившись топором и ломом пошёл обкалывать с колеса лёд. То ли поскользнулся, то ли ещё какая оплошность, только попал он всем телом в спицы колеса и его на смерть придавило. Спohватившись, люди прибежали из мельницы, но он был уже мёртв и не подавал никаких признаков жизни. Его похоронили, на мельнице стал дежурить один старик, дедушка Фёдор. А через год и с ним получилась трагедия, нашли его в мельничной избёнке изрубленного в куски. В народах говорили, что это варварское злодеяние, позволил себе допустить вторусский мужик, по прозвищу «Холодок», якобы он требовал от старика выдачи ему золотых денег, а может быть ещё из-за чего.

Собрание о колхозе.

Ершов и колхоз

Наступила зима, пора подсчёта рентабельности хозяйства каждого крестьянина и свободное время для раздумывания вступить в колхоз или остаться единоличником. Власти не спали, партию и правительство не удовлетворял тот мизерный процент сельских хозяйств, преимущественно бедняцких, которые добровольно вступили в колхоз. Настало время и поднажать на середняка, применив жёсткую налоговую политику, чтобы он почувствуя бремя пошёл в колхоз. Всю зиму, наряду с постановками спектаклей, и демонстрации кинофильмов, в избе читальне проводились собрания, а тема одна, насчёт коллективизации собрания проводились с участием представителей из Арзамаса, и в президиум к ним избирались и активные люди села, особенно из молодого поколения. Старики предпочитали отсиживаться где-нибудь в заду зала, слушать, а иногда и ввернуть слово. На одном из таких собраний по самонавязчивости Алёши Крестьянинова, его избрали в президиум, и он, сидя на сцене среди районного начальства чувствовал себя на седьмом небе. Он, то и знай вертел своей подбритой головой и не сдерживая себя, вклинивал свои фигуральные словечки, иногда прерывая выступающих со словом, в прениях. Он, подобно петуху, во

время разгребания ногами кучи мусора, гордо и высоко держал свою вертлявую голову, склоняясь иногда, то к представителю из Арзамаса, то к председателю Федосееву. На это собрание, Николай Ершов явился всей семьёй. Он с собой жену свою Ефросинью захватил и не велел ей оставлять дома малолетнего сынишку Гришутку. А когда Николая спросили зачем всей семьёй, он не задумываясь ответил:

– Ведь всем нам придётся в одном котле кипеть-то, так что пускай моя вся семья познает колхоз сейчас же, и слушает что бают на собрании, в счёт колхозу-то.

– Он и зыбку-то сюда велел мне захватить, да я уж от него отбоярилась! – улыбаясь во всё лицо пожаловалась на мужа Ефросинья, а вон Гришутка-то и без зыбки тово гляди заснёт, – с наивностью добавила она.

– Ну и Олешка тут! – с удивлением проговорил Николай, когда, усевшись на скамье он попристальной стал всматриваться на сцену, где за столом уже заняли места члены президиума.

– Горда свинья тем, что чесалась о начальниково крыльцо, – заметил поблизости сидящий Яков Комаров.

Собрание шло бурно. Многие выступали за колхоз, многие и против. Алёша нет, нет да и выскажется за то, чтобы мужики-односельчане, без всяких размышлений вступали в колхоз.

– Ты Олешк, больно болтать-то горазд, и в любую дыру без мыла влезешь! – не выдержав оборвал Алёшу Николай

Ершов.

А Алёша, как и не слыша, что сказал Николай, так и чешет, так и чешет своим болтливым языком. Артистически изгибаясь всем станом, то направо, то налево.

– Ты там, Николай Сергеич, вроде чего-то сказал, – закончив свою речь обратился он к Николаю.

– Я говорю, твоим-то языком только бы мёд лизать! – вот чего я сказал под весёлый смех мужиков заметил ему Николай.

Потом встав с места, чтобы все его видели, и чтобы все слышали, Николай дополнительно высказался:

– Ты Олёшк, как моя покойная ружьё-шомполка – полу-центрального боя! Когда не нужно – она стреляет, а однажды хотел я в зайца выпалить, так она в осечку!

– Это к делу не относится, я не пойму, к чему это ты привёл такой пример, – спросил его сконфуженный Алёша.

– Вот именно, этот пример, как раз к делу и он к колхозу имеет прямое отношение.

– Ты вот Алексей Фёдорович, всех агитируешь за колхоз, а почему не сагитируешь в него своего отца Фёдора Васильевича? – под общий дружеский вздох, спросил Николай Алёшу.

– Так я живу от него отдельно, он мне, как хочет, а я лично сейчас же вот здесь на собрании публично вступаю в колхоз! – горделиво заявил Алёша.

С места встал председатель колхоза Федосеев:

– Ну, здесь пререкания и в перебранку вести нам некогда, мы сюда собрались по важному делу, а не для перепалки. Одним словом, Алексей Фёдорович, поступил очень активно, что прямо публично вступает в колхоз, мы просим следовать его примеру, или же не здесь, так завтра же прийти в правление колхоза с заявлениями, кто же будет сопротивляться и агитировать против колхоза, мы на того найдём управу!

– Вот бегемот! – нечаянно и в полголоса вырвалось у Николая, из-за чего в президиуме его слов не слышали, и раздражённо став во весь рост, он во всеуслышанье выкрикнул: – Отсель да брюхом! Нас нахрапом не взять. Мы, мужики, то есть себе цену знаем и за какой-то Щербатый пятиалтынный с опугой нас не купишь? – вспылil и раскипятился Николай, когда заслышал из президиума слова угроз и запугивания. – Если добром не хотите, как уговорить, чтобы мы вступили в колхоз, то силком нас не взять! – для пущей ясности добавил Николай в адрес президиума.

– Нет, нет! Зачем же силком, кто говорит, что силком? – вступил в дело представитель из Арзамаса. Колхоз дело добровольное. Сами знаете, что в единоличном хозяйстве доходы не важные, едва сводите концы с концами, урожаи низкие, земля распластована на узенькие полоски, одни межи, культурные хлеба заполняют сорные травы, полынь и лебеда, а в колхозе вся земля общая, межей нет, лошади исправные да плюс мы вам обещаем тракторишко дать, так что сами глядите, где рассвет, а где тьма и бедность. Я считаю, есть

расчёт идти в колхоз! – ярко и доходчиво произнёс свою речь представитель из Арзамаса.

– Эх мать честная! Приятные слова приятно и слушать! – весело улыбаясь проговорил Николай. – Только вот у меня к вам большая просьба встать с места, – заявил он. – Чтобы эти добрые пожелания превратились в полезные действия и ещё одно. Не плохо было бы послать делегацию в какой-нибудь старый колхоз, который уже существует так годика с два, поучиться у него и поглядеть, как там живут люди! – предложил Николай.

С его мнением президиум согласился.

– Да бишь ещё вот что, разрешите мне здесь перед мужиками рассказать, какой мне сон нынче ночью приснился.

Зал весело загудел, послышались сдержанный смех и задорный хохот.

– Ты, наверное, надолго развезёшь свой рассказ? – заметил ему Федосеев добродушно улыбаясь.

– Нет, нет, всего минуты три на это потрачу время.

– Ну, давай!

– Уж больно занятный сон мне нынче привиделся! Будто-бы я пребывая в своём хозяйстве, любовался своим домом. Не дом, а полная чаша. В избе будто бы полный достаток, уют и роскошь, всего изобилия. Во двор вышел, тоже всего полно, скотины полон двор, и она сыта и упитана, как лось. Я от радости и восторга ног под собой не чуял. Вот только жаль меня, вот Ефросинья, на самом интересном ме-

сте разбудила.

– А ты не всё рассказывай! – бойко толкнула Николая же-
на рукой в спину.

– Дай досказать-то! – огрызнулся на неё Николай. – Так
вот значит, разбудила-то она меня, повторяю, на самом-то
захватывающим дух месте, не дала мне она доглядеть, а ин-
тересно было-бы узнать, чем бы это обернулось. А корень-то
этого моего сна вот в чём. Проснувшись, я поспешил вый-
ти во двор, посмотреть, а не на самом ли это деле ни наяву
ли, что у меня скотины полон двор и во всём полный доста-
ток, тогда бы я хрен стал вступать в колхоз, а хватить у меня
на дворе-то, как было хоть шаром покати, так и осталось. А
раз так, то я сейчас вам со всей ответственностью заявляю
– была не была! Надо в колхоз втискиваться. Пишите меня
вместе, вот с бабой и с ребяташками в колхоз. Сейчас же!

Зал от неожиданности загудел, послышался закатистый
смех и гоготанье.

– Вот давно бы так! – поприветствовал Ершова Федосеев
со сцены, даже позволив себе похлопать в ладоши.

– Нет, а мы подождём, со стороны посмотрим, пока в кол-
хоз не будем вступать, – высказался Яков Комаров.

– Поглядим, что весна покажет! – в поддержку Комарова,
выкрикнул в зал и Василий Ефимович Савельев.

Заканчивая собрание, решили избрать делегацию для по-
сылки в старый колхоз.

Яков и колхоз. Грабители и Барсик

На другой день, в правление колхоза, многие мотовиловцы пришли с письменными заявлениями, с просьбой о принятии их в колхоз. С таким же заявлением пришёл и Яков Забродин. С ним, решил побеседовать председатель Федосеев. Всё же интересно лично узнать психологию крестьянина-мужика, о его переживаниях о причине колебания и о том, что же послужило толчком, который заставляет вступать в колхоз, т.е. в новую, совершенно неизведанную жизнь. От самой природы скупой на слова, способный на чудачества, гордый людей навести на смех, но сам почти никогда не улыбающийся Яков, разговорился перед Федосеевым. Рассказал о том, что больше половины своей жизни прослужил сторожем, не умолчал и о том, что любит выпивать и порой напиваться до белой горячки, когда в глазах мерещатся черти с рогами и тащат его в озеро, а зимой в прорубь суют.

– Страшно! А всё равно неймётся. На другой же день снова напьёшься! И ни только из какого-нибудь кошачьего черенка, приходится пить, а подай хоть из небесного ковшика, всё равно до дна выпьешь. Иногда после ночного дежурства, за день-то раз семь придётся до бесчувствия напороться! Живём мы вдвоём с бабой, ну что баба, баба и есть, с ней ни потолковать, ни душу перед ней открыть до корня! Вот и приходится выпивками заниматься. В молодости я имел

друга собаку Барсиком его звал. Ну и вот однажды, дело-то в городе Арзамасе было, и вечером напали на меня двое жуликов, кошелёк отобрали, а в кошельке, конечно деньжата были. А я был не один, а с Барсиком, но, как на грех он от меня вперёд на некоторое расстояние удалился. Ну, так вот, когда жулики-то на меня напали, я дело-то с кошельком нарочно затягиваю, время навожу, сопротивляюсь и не сразу его отдаю, а признаться силёнка-то у меня была, бог с детства не обидел, ну, а с двоих-то чувствую не смочь, они тоже здоровенные лбы. Ну так вот, время-то с жуликами-то оттягиваю и про себя думаю: «не может быть, что Барсик на долгое время от меня отлучился». И верно, вскорости мой Барсик вернулся, что грабители с кошельком не успели от меня отойти. Собака, видя, что тут происходит что-то неладное, упёрлась в меня и глазами меня спрашивает: «В чем тут дело-то?» Я, взволнованно говорю: «Вот, Барсик, этот человек, у меня кошелёк отобрал!» Мой Барсик без всяких раздумий и лая встав на дыбы облапив преступника, оскалив зубы предупреждающе и грозно зарычал, когтями держит за плечи, мордой упёрся прямо ему в нос, а глазами как-бы спрашивает его: «Ну, что с тобой делать? Или помиловать, или казнить?» А шутки с моим Барсиком затевать опасно, он ростом-то величественный и сила в нём, как в тигре, недаром он был Сен-готардской породы. Ну так вот, я сморю и наблюдаю, чем эта сценка кончиться, как мой Барсик распорядится над разбойниками. А кстати сказать, эта спектакля, во вре-

мени-то измерялась, не больше, как пяти минутами. Второй разбойник, видя, неприглядную ситуации, подался наутёк, а друг его, с испугу, весь помутнел, пальцы в которых он держал мой кошелёк сами собой разжались и кошелёк упал на землю. А Барсик всё равно его не отпускает, ждёт моей команды. Стоило мне сказать: «Взять!», как от грабителя полетели бы ключья. Я спрашиваю онемевшего и дрожавшего всем телом бандита: «Ну, будешь ещё когда-либо на людей нападать?!» «Не-е-ет!» – трусливо выдавил он из себя. «Отставить!» – по-военному приказал я Барсику, тот опустивши передние ноги на землю, грозно, при этом царапнул когтями по фуфайке преступника и уничтожающе огрызнувшись с презрением отвернулся от незадачливого разбойника. Грабитель, несмело мелкими шажками поплёлся туда куда убежал его друг, а я подобрав с земли кошелёк, пошёл туда, куда мне надо. Теперь Барсик следовал за мной неотступно.

Хотя, этот Яковов рассказ и не касался важности дела, но Федосеев не мешал Якову высказаться, он с интересом выслушал этот поучительное повествование, слушали Яковов рассказ и все присутствующие в конторе люди.

– Так товарищ Федосеев, нельзя ли вам моё прошение подать? – обратился Яков к Федосееву, как только закончил свой рассказ о жуликах.

– Позволь, позволь, какое прошение? – не сразу поняв смысл Яковой просьбы спросил Федосеев.

– Да вот, я со своей бабой с женой т.е. Надумали к вам

в колхоз взойти, так вот я и принёс вам моё прошение, – вытаскивая из кармана клочок мятой бумаги сказал Яков. – Вот получайте прямо в свои руки и его не затеривайте.

– Ах, заявление! – с улыбкой на лице произнёс Федосеев, – так бы и сказал, заявление, а не прошение, это раньше называли прошением. Хочешь вступить в колхоз? Так ведь я понимаю? – нарочито, с некоторой официальностью констатировал Федосеев.

– Конечно так! – утвердительно отозвался Яков.

– Заявление в колхоз, мы от всех и всегда с радостью принимаем и их, к твоему сведению, Яков, как тебя по батюшке-то?

– Спиридоныч! – подсказал Яков.

– Ну вот Яков Спиридонович, мы заявление граждан не теряем, а подшиваем их в отдельную папку. Но я, как председатель должен тебя спросить – чем ты до сегодня занимался, т.е. где и кем работал?

– Работал я в потребилке сторожем, а меня оттуда сняли! – сказал Яков.

– В какой такой потребилке? – по своей неосведомительности спросил Федосеев.

– Да в кооперации! – подсказал сидевший за отдельным столом Михаил Грепа.

– Ах, в обществе потребителей! Так бы давно и сказал, – оживлённо произнёс Федосеев.

– Я так и баю! – отозвался Яков.

– Ну ладно! А за что же тебя из сторожей-то сняли? – поинтересовался Федосеев.

– Да я и сам-то не знаю, бают спал, что ли-то?!

Все присутствующие в конторе весело рассмеялись.

– А кем ты в колхозе собираешься работать-то? – поинтересовался Федосеев.

– Ну, хотя бы обратно сторожем, эта должность для меня очень знакомая, и я её люблю.

– А, обратно, спать на дежурстве не будешь?

– Нет! Я уж этим горьким опытом научен!

– Да, бишь, вот что товарищ Забродин, тут у тебя в заявлении не сказано, чего ты из своего хозяйства обобществить обещаешь, лошадь, корову, телегу, плуг, ну скажем, или ещё какой инвентарь, который нам в колхозе на первых порах, крайне необходим.

– Во-первых, я товарищ Федосеев в своём хозяйстве кроме дома, да своей бабы ничего не имею, да бишь чуть не забыл, ещё кошку имею!

Все весело снова заулыбались. А Грепа уткнувшись в какие-то деловые бумаги, задорно хохотал, плечи его лихорадочно тряслись, тряслась в его руках и бумага.

– Заявление твоё принимаем и назначаем тебя сторожем на новом скотном дворе. Завтра же выходи сторожить коров, – сказал Якову Федосеев.

Обобществление. Продажа «Серго»

За зиму в колхоз вступило чуть ли не половина мотовиловцев. Мужики группами и в одиночку, шли в правление колхоза и несли туда иногда написанные на невзрачных листочках измятой бумаги заявления с просьбой о принятии в колхоз. То и дело по улицам села везли на санях невзрачный инвентарь, предназначенный для его обобществления. Около конного двора, который для первости располагался во дворе. Ранее принадлежавшем кулаку Лабину Василию Григорьевичу сваливался этот скарб в кучу, тут же ставились сани и телеги. Почти каждый вступающий в колхоз, с думой: «авось это временно», старался сдать в колхоз не тот инвентарь, которым он обычно пользовался, а отыскать где-нибудь по амбарам и сараям старый и почти негодный, плуг или борону, сдавать в колхоз потрёпанную сбрую, а исправную придержать дома, утаить. Михаил Грепа совместно с Мишкой Ковшовым строго вели дело в деле обобществления инвентаря, они знали у кого, что есть в хозяйстве того, или иного мужика-односельчанина, который вступив в колхоз должен обобществить какой инвентарь. Они часто вступали в споры и ругань, из-за утайки того или иного инвентаря.

– Чего ты привёз? Какое-то барахло разохшееся, а не бо-

рону, а где у тебя та борона, которой ты работал в поле прошлое лето?! – грозно наступал Грепа на мужика, привёзшего к колхозному двору старинную, с деревянными зубьями борону.

– А ты, что какой плуг-то припёр марки «Павловский», а где у тебя «Саковский»? Я же хорошо знаю, что у тебя добротный «Саковский» плуг в хозяйстве имеется! – с руганью наседавал на будущего колхозника Мишка Ковшов, принимая от него к обобществлению инвентарь.

– А зёрна на семена ты что мало привёз? Чем же ты весной сеять-то собирался?! – с упрёком нападал Грепа на мужика, который по мнению Грепы маловато привёз овса в общий амбар.

– А сани-то, что какие один полоз-то почти совсем поистерся, а где у тебя новые-то, вези их! – настаивал Грепа.

По селу шум, гам, спор в душах мужиков-тружеников, неуверенность, сомнение и смятение. Наблюдая за ходом полного переполоха, происходящего в себе, Василий Ефимович, ночи почти не спал, задумываясь тревожно ворочался в постели. Он не мог смириться с мыслью, что и ему когда-то придётся вступать в колхоз. Он не допускал себе такого обстоятельства, что ему когда-то расставаясь с «Серым», или «Вертехой» придётся свести их на общий колхозный двор. Тяжким гнётом давила его мысль, о том, что придётся расставаться, своим трудом нажитыми молотилкой, двумя веялками, крашенной телегой, добротными санками, ис-

правным, как игрушкой «саковским» плугом, бороной, двумя хомутами, исправной сбруей и вообще с тем имуществом, которое придётся обобществить, в случае вступления в колхоз. «Всё равно всего не сдам, «Серого» продам, новый хомут утаю и веялку одну надо бы куда-нибудь упрятать».

Отгуляли масленицу, не последний ли раз отпраздновали весёлое катание на разуряженных лошадях. Для кого как, а для Савельева «Серого» эта Масленица оказалась последней и как-бы предчувствуя своё последнее время пребывания во дворе Савельевых. «Серый» во время катаний на Масленице, показал себя во сём своём величии и прыти. Он с присущим ему задором, азартно носился по улицам вокруг села, лихо мча за собой санки, в которых катались его молодые хозяева Санька, Ванька, Васька, Володька и Никишка. И в последний день Масленицы «Серый» с особым рвением носился в катании, как-бы доказывая этим свою личность и преданность и с чувством: «Нате, мол вам, что могу, то и делаю!» На первой же неделе поста, в базарный день в пятницу Василий Ефимович повёл «Серого» в Арзамас продавать. При выводе хозяином из ворот двора, «Серый» предчувственно, как-бы для прощания обернулся назад и тоскливым взглядом последний раз взглянул на родной двор, в котором он прожил и преданно прослужил ровно десять лет. В Арзамасе, на скотной площади, Василий Ефимович, продавая «Серого» с покупателем его, в торгу, неоднократно

хлопали друг друга по рукам, один просил прибавить, другой просил уступить «пятёрку» из-за которой, дело решалось о судьбе «Серого». «Серый» с видимой тоской наблюдал этот торг, ему, видимо, страшно не хотелось быть проданным и не познавать другого хозяина. Но торг завершился, и вместо «Серого», Василий Ефимович, получив сумму денег, передал повод новому владельцу. И когда «Серый» нехотя поплёлся за тем, незнакомым ему мужиком, он понял, что судьба его решена, что он перешёл к новому хозяину. «Серый», замедлив ход, на мгновенье приостановившись оглянулся на Василия Ефимовича, прощально с печалью игогокнув и услужливо пошёл за новым хозяином, а Василий Ефимович, утирая с глаза жалостливую слезу, тоскливо посмотрел вслед удаляющемуся от него «Серого», который услужливо работал на него добрый десяток лет.

Вернувшись домой без «Серого», имея вместо его деньги, Василий Ефимович долго не мог смириться с той действительностью утверждающей, что во дворе «Серого» нет, хотя в хлеву и переминается «Вертеха», но «Серого» Василию Ефимовичу жалко до слёз. По ночам, впросонье, он, одеваясь и зажгя фонарь, в забывчивости говорил:

– Пойду «Серому» овсеца задам, – и выйдя во двор, не обнаружив в хлеву своего любимца, спохватившись опечаленный зацепив в ларе с полведёрка овса, всыпал в колоду для «Вертехи».

Мысль о колхозе, за последнее время не выходила из его головы, она навязчиво сверлила его объятые раздумьями мозги. Лёжа в постели, открытыми глазами глядя в тягучую темень ночи, Василий Ефимович по нескольку раз передумывал одно и то же гнетущее его положение, вопрос о дальнейшей судьбе – вступать в колхоз или остаться единоличником. Решение, которое он принял для себя – погодить до поздней весны, что весна скажет, теперь его не удовлетворяло. И лёжа в постели он про себя раздумывал: «Ну, можно подождать, а там что? Гремучей змеёй вставал перед ним каверзный вопрос. «Да хотя и ждуть-то нечего?!» Картошку, заработанную на морозе, товарищи отобрали, теперь налогами будут мучать, у правителей на это совести хватит! Если же вступить в колхоз, то надо со всем нажитом своим трудом расставаться, придётся всё свезти на колхозный двор, а там, по-моему, не хозяйство, а провальная яма. А ведь не так давно, люди мне завидовали, моему достатку в хозяйстве и умению проводить мной праздники и свободное от работы время. Посоветовавшись с сыном Санькой, который как комсомолец, зная политику партии в деле коллективизации сельского хозяйства, решительно высказался за вступление в колхоз и Василий Ефимович, в верхней за столом избе засел за составлением заявления. Вырвав из Васькиной тетрадки листок бумаги, он в тяжкой кропотливости засеял корявыми буквами больше, чем пол-листа написал заявление и поло-

жив его себе в карман, дня три носил его при себе не решаясь отнести его в контору колхоза. Потом он, снова вынув из кармана написанное собственной рукой заявление, и держа в дрожащих руках, значительно поистертую бумагу, на которой уже некоторые слова были из-за потёртости неясными, но смысл был понятен: в заявлении он изложил просьбу принять его в колхоз. Перед тем, как отнести заявление, с целью как бы не вкралась в нём какая ошибка, он ещё раз в одиночестве, прочитал его. аморщивая лоб подобно мехам игрушечной гармошки, он, расписавшись под заявлением поставил большую точку, а подумав, поставил и дату 22-го марта 1931 года, после чего поставил большую же запятую, и как бы символизирующий знак на его лбу над переносицей, пролегла такая же глубокая складочка.

Своё заявление Василий Ефимович решил нести не в правление колхоза, а на квартиру председателя и вручить его в руки самому Федосееву. Он шёл вечером, маскируясь уже наступившей темнотой по скованной вечерним морозцем дороге. Вдруг, в стороне на дороге внезапно что-то зашевелилось, от испуга Василий Ефимович всем телом нервно вздрогнул и даже остановился вглядываясь туда, где что-то шевелясь шуршало. Всмотревшись в зыбкую темноту, он заметил валявшийся на земле смятый, выброшенный кем-то клочок газеты. Ветерок подхватывал и катил этот бумажный клочок по неровностям заснеженной и замёрзшей дороги. Бу-

мага таинственно и как-то пугающе шуршала, вызывая у Василия Ефимовича испуг и недоброе предзнаменование. Придя на квартиру к Федосееву, он прежде всего приветственно поклонился:

– Здравия желаю Николай Алексеич! – поздоровался он с председателем. – Вот я к вашей милости.

– Здравствуй, здравствуй, в чём дело-то?! – доброжелательно ответил на приветствие и Федосеев.

– Вот я, благоразумно поразмыслив и здорово рассудив решил вступить в колхоз и написал заявление, вот оно! – достав из кармана заявление и подав в руки Федосееву, взволнованно проговорил Василий Ефимович.

– Ну-ка, ну-ка, давай прочтём, что тут написано.

И Федосеев стал читать его заявление. Скосив набок голову, заглядывая через плечо Федосеева, Василий Ефимович читал им же самим написанное «прошение» словно оно писалось не им самим, и он как будто не знает, что в нём написано.

– Ну ладно. Завтра на заседании правления разберём твоё заявление, о результатах сообщим, – только и сказал Федосеев.

Попрощавшись, Василий Ефимович ушёл. На обратном пути ему раздумывалось о том, что вопрос о приёме в колхоз решает только самолично Федосеев, а не какое-то правление, на котором наверняка будут присутствовать такие, не имеющие со стороны Василия Ефимовича, доверия люди, как

Грепа и Ковшов, которые при разборе его заявления будут строить разные козни и доковыриваться до самых мелочей в вопросе обобществления инвентаря и имущества из хозяйства Василия Савельева. На второй день к вечеру, когда Василию Ефимовичу сообщили, что на заседании правления его приняли в колхоз, его всего, как-то нервно подёрнуло, по всему телу от головы до ног пробежал какой-то неведомый ток. Он нутром своим хорошенько недопонимал, что всё это идёт к хорошему или плохому. На третий день запрягая «Вертеху» в сани, чтобы предназначенный инвентарь и зерно отвезти на колхозный двор, Василий Ефимович от растерянности, ввёл в оглобли «Вертеху» головой к саням, а стал перекидывать дугу через лошадиную шею, дуга оказалась назад колечком. Грузя в сани отборное зерно овса, плуг, борону, сбрую, в голове у него пчелиным роем кутерьмой будоражились разные размышлений из неведомых уголков мозга выползали суматошные мысли, и кто-то невидимый «домовой» что ли нашёптывал над ухом: «Опомнись, что ты делаешь?!» Но руки делали своё, они подчинялись рассудку! Спасения от полного разорения только – колхоз! Самолично отвезя в колхоз пять мешков семян викоовсяной смеси, плуг, борону, два хомута, рассевное лукошко. Василий Ефимович ещё сдал: «Вертеху», молотилку, две веялки, две телеги, сани, санки – утаив от обобществления новый хомут и рукоятку от веялки, которые он припрятал (авось когда-нибудь пригодятся) в амбаре. Утаив эти две вещи, Ва-

Василий Ефимович размышлял для себя: некоторые вступая в колхоз сдали туда всего какую-нибудь соху-рассоху, да старинную борону с деревянными зубьями, а я вон сколько добра отвалил, а в колхозе всё равно, как в провальной яме, всё сгоят и пропадёт. Всего жальнее было расставаться с добротной крашенной телегой, на которой Василий Ефимович ездил только на базары и на ярмарку, да ещё с молотилкой, о которой он говаривал: «она мне в копеечку встала!» Хотя она и была в компании на двоих, с шабром Иваном Федотовичем. При вступлении в колхоз Савельева, Федотов пока упорствовал, их компания распалась, молотилку забрали в колхоз, выплатив Федотову для виду денежное вознаграждение – 15 рублей.

Ванька в Арзамасе на учёбе

Услыхал Ванька Савельев, что в Арзамасе открывается новая школа под названием «Стройуч» и подговорив себе товарищей Саньку и Гришку, они втроем пыхнули в город. Их завлекла новая школа тем, что она находится в городе и за учёбу платить собираются в виде стипендии в сумме 22 рубля. Документы из Чернухинской школы забраны и ещё кое-какие собраны и поданы по назначению и ребята стали ждать результатов. Наконец, открытки, извещающие о принятии в школу, получены и друзья 13-го апреля 1931 года отбыли в Арзамас на учёбу. Школа находилась на улице Урицкого дом №15, а общежитие на улице Володарского, в доме бывшего купца Лихонина. А потом ребят перевели в здание самой школы.

Заделался Ванька Городским жителем, безустанно грызёт гранит науки: «Коль захотел познать азы и буки, бери почаще книгу в руки!» – этот девиз Ванька в учёбу своёю взял для себя за основу. Здесь он по-особенному полюбил литературу, которую, кстати сказать, преподавал перешедший же в эту школу из Чернухи Александр Сергеевич Алякрижский. Здесь Ванька так же познал законы Паскаля и Архимеда, преподавал здесь физику тоже перешедший из Чернухинской школы Семён Михайлович Суханов, Ванька здесь

также научился извлекать квадратный корень, научился доказать задачи по теореме Пифагора и познал синусы-косинусы, тангенсы, котангенсы, секансы-косекансы, преподавал математику знамениты математик Арзамаса, древний старичок Иван Алексеевич Смирнов.

Ванька любил посещать городской кино-парк, с наслаждением любовался развесистыми яблонями с крупными яблоками и с интересом просматривал кинофильмы. Он также с увлечением посещал лекции по астрономии, где познал азы устройства вселенной. И приезжая домой на выходной день, Ванька делился своими познаниями в вопросе мироздания, доказывая, особенно перед бабушкой Евлиньей, что наша Земля – шар.

– Вон до чего доучились, вон до чего допятились! – с возмущением возражала бабушка. – Баишь – наша земля круглая, похожая на яблоко, а почему же наше озеро такое ровное, а море бают, ещё ровнее, если бы Земля была шаром, то наше озеро было бы горбатым, как арбузная корка. И вода из него вся повылилась бы, и мы упали бы. А то шар глобус, ишь чего понавыдумали черти в тартарары! Да и кто такую махину поворотит косолапые! – с негодованием упорствовала бабушка.

Но Ванька не сдавался. Он, раздобывши в школе глобус, показал бабушке земной шар в миниатюре, и вечером при свете лампы показывал, как на земле происходит смена дня

и ночи, зимы и лета.

– Всё равно наша Земля Богом создана, и она плоская, как блин, – стояла на своём бабушка. – Мы уж отжили свой век, отвели свою очередь, теперь вам уступаем пожить на вольном свете – живите, мы прожили на плоской земле, а вы живите на шару, а нам и помирать пора, – заключила бабушка Евлинья. – Раньше люди-то были как люди, что ни мужик, то борода, а теперь что, ни мужик – оглобля! – с осуждением добавила она, имея в виду распространённое среди мужиков курение табака.

Они хотели было поехать в Арзамас накануне, но стояла пора самого буйного водополя и переполненная водой Осиновка их на станцию не пропустили. Воды в Осиновке набралось вровень с берегами, и она не помещалась под мост, текла по ту и другую сторону моста. Ребята остановились в нерешительности, переходить бурные потоки было опасно. В это время к Осиновке подошёл Иван Коняхин, житель села Чернухи. Он возвращался из Волчихи, где был в командировке, ребята-то можно денёк подождать, а Ивану положение безвыходное, ему как говорится плыть и дома быть. Иван решил бурный поток позади моста преодолеть вброд. И он вступил в бурлящий водотёк. Сначала вода ему не доходила до колена и в сапоги не заливало. Но потом, он видимо ногами попал в вымоину, где его подхватила стремнина, сбив его с ног. Течение его повалило на бок, и он подхваченный водным потоком поплыл по течению, как бревно.

– Лавируй руками-то, а то утонешь! – встревоженно крикнули ребята ему с берега.

К счастью Ивана, течением подбило к примостовой насыпи, он каким-то чудом зацепившись за землю руками, судорожно вскочил на ноги.

– Ну, как Иван? Испугался?

– Да-а! – только и мог выкрикнуть он, полуотнявшимся от испуга языком, и бегом побежал по направлению к станции.

Как бы не земляной бугор, быть бы Ивану в реке Серёжа, а там не знай, как бы обернулось дело. Иван был на пороге смерти!

Смятение души у Василия Ефимовича

Вступление в колхоз на Василия Ефимовича в его сознании подействовало морально и физически произвело полный переворот хода мыслей по отношению бытия. Весь первый день он себя чувствовал «сам не свой». Первую ночь, когда он узнал, что его приняли в колхоз, он почти не спал, мысли нескончаемым потоком ползли в голову, взбудораживая мозги. «Жил, работал, старался, заботился о благополучии своего хозяйства и семьи, а теперь, всё нажитое кроме дома и коровы, сдал в колхоз, и это всё приобретённое своими трудовыми руками, из-за чего получил грыжу в паху, стало не моё. Вот теперь в колхозе, запряжёт какой-нибудь вахлак из Гольтепы мою «Вертеху» и будет на ней разъезжать, как на своей. Мою крашенную телегу, за которой я так ухаживал, сразу, наверно, испохабят, молотилку изуродуют, на веялках будут веять какие-нибудь взбаламошенные люди не бережа и не ухаживая за этими машинами». Размышляя о судьбе имущества, которое он сдал в колхоз, мысли Василия Ефимовича перебросились на вопросы политики. Душой и сердцем он не был согласен с тем, что власти нарушив веками сложившийся деревенский уклад жизни, вдруг перевернули вверх дном: «Непрошено и так нахально вломи-

лись в доверчиво незапертые ворота русского крестьянина – вихрем опустошив двор, забрали лошадь, инвентарь. Выхолостили доверчивую душу мужика, лишив его самостоятельности и заботы о земле! Вместо того, чтобы дать полную волю мужику-крестьянину самому, по своему усмотрению распоряжаться землёй, а её отобрали в колхоз, а ведь мужичок-то, труженик, всю российскую державу хлебом кормил!» Обмозговывая эти тягостью тягучие мысли, Василий Ефимович, всю ночь, почти до самого утра, не мог заснуть. И только под самый рассвет его сморило, он стал забываться, впадая в липучие объятия сна. Но зимовавшая в избе муха, чуя рассвет, взбаламошенно залетала по избе тупо шарахаясь по стенам, а потом, проявив нахальство, внезапно присела на взгорячённый от мыслей его лоб. Судорожно спугнув и обругав злополучную муху, Василий Ефимович повернулся набок, и под мысль сомнения правильно ли он поступил, решив вступить в колхоз: «Не на пагубу ли меня взбаламутила эта дурацкая мысль о вступлении в колхоз, может этот мой шаг оказаться для меня роковым». И мысль: «Если бы знал где упадёшь, соломки бы постлал!» его убаюкала... Сниться Василию Ефимовичу, как будто он в Арзамасе на хлебном базаре, на торговой площади около собора среди многочисленных возов, с рожью, овсом и крупами. На площадилюдно, во всю ширь идёт торг. Среди делового торгового гама, изредка слышно пронзительное конское ржание... Оставив своего «Серого» с телегой на подворье, Василий Ефимо-

вич как будто неторопко разгуливается по базару. С утра, он не спешил закупить хлеба-ржи, а выжидающе обходил воза, приглядывался и приценялся. Подойдя у одному из возов, около которого стоял открытый мешок с добротным зерном. Тут же присутствовал и хозяин воза – мужик опрятный и довольно-таки упитанный, одетый по-простецки и в лаптях. «У добротного хозяина и товар должен быть добротным!» – подумалось Василию. «У приятного продавца и товар купишь за милую душу!» – увещевая хозяина провозгласил он, подходя к мешку и с любопытством стал рассматривать зерно, цедея его сквозь пальцы, определять качество.

– Не зерно, а золото! – отозвался хозяин. – Гляди, щупай, покупай! – добавил он хваля свою рожь.

На возу, на мешках с зерном сидела баба, видимо жена хозяина воза. Она наседкой распласталась среди воза укрыв своим широченным сарафаном с оборками не менее его половины. Она сонно поглядывала на окружающий её мир и безучастно наблюдала за торговлей мужа.

– Почём, говоришь, пуд-то? – спросил Василий.

– Рупь двадцать! – ответил хозяин ржи.

– А ты не дорожись, уступай, скости пятачок и вся недолга! Я сразу пудов с десяток куплю у тебя.

– И так не дорого, ведь у меня не зерно, а золото! Сам видишь, – без намерения уступать, гнул свою линию хозяин воза.

– Ну тогда как хошь! – неспеша отваливаясь от мешка

и направляясь к другому возу, сказал Василий, имея намерение купить именно эту добротную рожь, так как она ему очень понравилась, но ради наваждения времени он не спеша стал удаляться от этого воза.

– Ну, как баб? – обратился мужик к жене за советом. – Будем уступать-то, ай нет?!

– Конечно уступи! – встрепенувшись и шурша сарафаном зашевелилась на мешках хозяйка воза. – А то сиди вот тут на возу-то и гляди, как остальные-то, почти всё распродали, давай скащивай пятак-то, да давай скорее продадим, да по магазинам пройдемся, себе и ребятишкам кое-чего накупим, да и домой покатым! – с улыбкой на лице советовала она мужу. – А ты Филипп, оклики этого мужика приятной наружности, который так цепко приценился к нашей ржи, он у нас сразу полвоза закупить обещался, – с деловитостью добавила она своему хозяину.

– Эй, мужик! Вернись-ка! – выкрикнул Филипп.

– Что?! – отозвался, остановившись Василий, и как бы нехотя подходя к возу Филиппа.

– Бери по рупь пятнадцать! Я решил скостить.

– Так-то оно так! – снова процеживая сквозь пальцы добротное зерно, словно он его осматривает впервые, с выдержкой проговорил Василий, а вон у того воза, ты слышишь почём хозяин торгует, по рубль десять! Зато вон гляди, он свой воз за полчаса раскатает! – добавил Василий, страстно желая, чтобы Филипп сбросил с цены ещё пятачок. – Ты вот

что, давай скащивай ещё пятак и по рубль десять у тебя четыре мешка закупаю! Давай по рукам, подставляй свою ладонь пятишницу и дело с концом! – входя в торговый раж улыбаясь изрёк своё желание Василий.

– Да уступать-то бы не хотелось, – упрямылся Филипп, – вопросительно поглядывая на жену.

А та желая поскорее распродаться, тайно подмигнула мужу, мол «скащивай, не отпускай такого оптового покупателя, распродавай скорее!»

– Ну ладно, бери по рупь десять. Ты баишь четыре мешка возьмёшь? – дозновательно спросил Филипп.

– Ну да, а то и пять заберу, если вот в кармане денег хватит! – лезя рукой в карман с удовольствием отозвался Василий.

И дав червонец Филиппу в задаток, Василий поспешно направился на подворье к Курочкину за лошадью, где поджидал его сытно наевшийся овса «Серый». Василий, попоив лошадь запряг, и выехав со двора направился на площадь за закупленным хлебом... Подъезжая к тому месту, где только что Василий Ефимович закупил пять мешков ржи, где стоял воз, оказалось пустым ни возу, ни мужика с бабой. Он только было хотел спросить мужика, соседствующего с пропавшим возом, куда мол подевался воз с хлебом и его хозяевами, и с ними его червонец задатка. Как этот мужик стал от него как-то таинственно удаляться и исчез, Василий было, хотел торкнуться с вопросами к остальному люду, как и все присутствующие на площади стали так же уплывать в даль, с во-

зами, с лошадьми и телегами, с поднятыми вверх оглоблями, вся площадь пустела. От растерянности и тревоги Василий Ефимович так перепугался, хлеба не закупил и червонца денег лишился, он во сне застонал и проснулся.

Дуня и Федька Лабин

Весь Великий пост, Дуня просидела дома мало выходила на улицу. На страстной неделе отговела, в Великую субботу ходила причащаться. Федька давно не видел Дуню и на Пасхе решил во что бы то ни стало повидаться с ней. Он в дело и без дела вертелся около дома, где живёт Дуня. Дуня заметила Федьку и вышла на улицу.

– Эх, ты, домоседка! – видно редко на улицу-то выгляды-ваешь, наверно всё одна на печи отсиживаешься, – с укорительной незлобивой насмешливостью начал разговор Федька с Дуней заметив её.

– Вовсе не на печке, а на лавке сижу, чулки вяжу, да в окошечко поглядываю, – весело улыбаясь ответила Дуня.

– А, как увидела тебя, вот и на улицу вышла, ведь на улице-то весна, вон кругом какая красота и благодать, – восторженно добавила она. – А вообще-то мне сеструха, зря и часто не велит на улицу-то выходить, говорит парней надо опасаться! – по-девичьи, с наивностью добавила она.

– А чего нас бояться-то, чай мы не кусаемся! – скаля зубы в смехе, оправдывал парней вообще и сам себя в частности. Вот я стою невдалеке от тебя и ни разу не укусил тебя!

Дуне, эти Федькины слова показались смешными, она усмехнулась, рассмеялся и Федька.

– Давай на бревно присядем, что ль? – предложил Федька.

– Давай! – согласилась Дуня.

Они оба уселись на лежащем у мазанки бревне и завели разговор уже на любезную тему.

– Да у меня и выйти то не в чем, вот донашиваю старенькое платьице, и оно уж стало мне мало, – проговорила Дуня.

– Вот есть о чём горевать, я завтра же дам тебе денег, сходи в лавочку и купи ситцу, вот тебе и платье, а там рассчитаемся, – по-деловому предложил свою услугу Федька Дуне.

Услышав из уст Федьки о таком любезном внимании, Дуня в приливе радости безмятежно распахнула свои прекрасные очи у неё взволнованно затрепыхались малюсенькие груди, под кофточкой явственно топырились пуговички сосочков.

– Подожди тут, я пойду няни спрошусь, – проговорила Дуня Федьке и ушла в избу и больше не вышла на улицу...

Федька пождал, пождал и ушёл, он с точностью решил выполнить своё обещание, данное Дуни, дать ей денег на платье, но у него у самого в наличии денег не оказалось, он решил перезанять у кого-нибудь. И Федька за деньгами решил обратиться к Серёге Федотову, надеясь на его наивность он попросил у него денег в долг, но нарвавшись на Серёгину расчётливость получил отказ.

– Вот ты, Федьк, просишь у меня денег в долг, а платить-то будет волк?! – грубовато обрезал Серёга Федьку зная, что Федькину ухарскому поведению наступает закат, так как отца его стали притеснять и вот, вот совсем раскулачат и со-

шлют куда-нибудь.

Но так или иначе Федька всё же раздобыл где-то нужную сумму денег и отдал их Дуне, чтобы та купила себе материала на платье... В селе Дуню знали, как самую красивую девушку. Бабы, собравшиеся на озере, в беседах случало вели разговор и о Дуне.

– Уж, что красива девка, то красива! – с похвалой о Дунькиной красоте отзывались бабы.

– Да уж Дуня своим красивым лицом, кого хошь завлечёт! – вторили бабам и мужики.

– Недаром около её Федька Лабин выюном увивается.

– Она круглая сиротка и пожалеть её некому!

– Да у неё давно уж нет и кормилица, ни поилицы! И Анисьи с ней склока одна!

– Про неё бают, уже больно она смелая и дерзкая на язык!

– Это верно, она без стука к царю войдёт! Смелая-то, это не плохо, а бают уж больно она верчёная, с парнями по вечерам ходит!

– Сломит себе голову и больше хорошего от этого не жди! – торочили на озере, на мостках бабы.

Бабы толки о Дуне дошли до её двоюродной сестры Анисьи, которые озабоченно обеспокоили её. Особенно Анисья забеспокоилась о Дуне, когда узнала, что она наедине встречается с Федькой, она выговаривал Дуне:

– Мне из-за тебя слушать неприятные людские наговоры

не больно по душе, из-за тебя мне и стыди глаза-то! – упрекала её Анисья. – Веди себя поскромнее, а то сломишь себе башку-то до поры до времени! – назидательно предупреждала Анисья. – Одно горе мне с тобой! В случае чего, я тебе подол-то подниму да завяжу над головой. Крапивой высеку, да в таком-то виде по селу проведу! – грозилась Анисья. – Заплати дыру-то, что растрёпой ходишь, ведь кофта-то давно на груди-то прохудилась, или парни тебя за эти места захватили, а тебе хоть бы что?! – И не стыдно тебе ходить в этом узеньком платице? Всё тело в обтяжку, как у русалки, ж... а выпятилась и весь перед выщелкнулся, прикрой свою рекламу, – продолжала укоризненно увещевать Дуню Анисья.

Дуня, без согласованности с Анисией, заложила подол своего платья, подшила его, оно стало ей коротко и в нём она стала казаться совсем девчонкой и ещё пригляднее.

– Как завидно, у Наташки кофта с кисеёй есть! – как бы между прочим сказала Дуня, слушая назидательные речи Анисьи.

– А завидно, так купи, только на что ты купишь, у нас с тобой денег-то, как у бедного латыша, нет ни гроша! – отозвалась Анисья.

При очередной встрече на улице, Федька вручил Дуне деньги на покупку платья. Дуня не отказалась, деньги взяла... Сходила Дуня в лавку, купила себе канифасу не на платье, а на кофту, отнесла материал к портнихе Пенкрихе, что-

бы та сшила ей кофту. Через три дня, Дуня вышла гулять в новой кофте. Подруги были в восторге от Дуниной обновки, они дознавались от неё, откуда и как

эта кофта приобретена Дуней, а Дуня по простоте своей тайну раскрыла перед подружками, а они, не стерпев доложили об этом Анисье. Анисья узнав об истории с кофтой ещё пуще возмутилась и обеспокоилась, снова обрушилась с выговорами на Дуню.

– Гляди Дунык, не связывайся с Федькой, он много таких дур, как ты, обламывал, сломишь и ты свою башку, связавшись с ним. Ты думаешь он тебя замуж возьмёт? Он тебе только глаза отводит! – дельно предупреждала Анисья Дуню.

– Он обещает меня замуж взять! – как-то нечаянно вырвались слова у Дуни.

– А не рановато тебе высказывать замуж-то? Тебе всего 16 годков, – и чтобы убедительно урезонить Дуню, Анисья пошла с последнего козыря. – Да у тебя и титек-то нет. Выйдешь замуж, родишь, чем ребёнка-то кормить будешь?

– К тому времени подрастут! – нисколько не смущаясь горделиво отчеканила Дуня.

– Ну чёрт с тобой, выходи, удерживать я тебя не стану, силушки моей нету валандаться-то мне с тобой! – раздражённо закончила разговор Анисья...

Вечером, при встрече, Федька будучи наедине с Дуней похвалил её новую кофту, и глядя в её прелестные глаза, кото-

рые в ночной темноте блистали светлячками, нарочито ведя разговор о кофте, напоминая Дуне о деньгах, сколько она их потратила на кофту, и как-бы в невзначай спросил её?

– А ты мне взамен чего дашь? – лезя целоваться к Дуне, и давай волю своим рукам, как бы глядя кофту намеревался полезть ей в груди.

– А по-каковски я тебе отчёт должна давать? – бойко отрезала Дуня разгорячённому Федьке. – И руки свои баловные не запускай туда, куда не следует, а то я их тебе отобью. Понял? Издеваться над собой я никому не позволю! – укротила Дуня Федьку.

– А ты погоди-ка!

– Ну, гожу, а дальше что?

– Я к тебе всей душой, а ты от меня лицо воротишь! Я ведь у тебя не даром прошу, а по взаимной любезности!

– А ты потерпи, или женись! Чем зариться-то на меня! – урезонивала Дуня.

– Я бы рад потерпеть, да не ждётся и не терпится! Невтерпёж поцеловать тебя хочется.

– Хочется да колется! – отпарировала Дуня. – Женись коль хочется!

– Я бы женился, да тятка ни туда впряжён!

– Так ты что же, измором хочешь взять? Заруби себе на носу, этого не бывать, чтоб я тебе подвалила. Вам парням только поддайся, изнахрачите до крайности! И ты, больно-то своим рукам волю не давай, не хватай там, где ты ничего не

клат, вишь у меня всю новую кофту замусолил! Уж замарать себя не позволю! И вообще Федь брось эти свои замашки, это тебе не Наташка! И отстань с этим от меня, а то по роже съезжу! А если насильничать вздумаешь, закричу, народ созову! – строго предупредила Дуня.

– Не беспокойся, не обману, таких красоток не обманывают! – с чувством побеждённого, упавшим голосом проговорил Федька.

А Дуня продолжала своё:

– Да и вообще, меня сеструха Анисья отругала за тебя, совсем запрещает встречаться с тобой, и мне пригрозила, в случае чего, она пообещала мне завязать над головой подол и провести в таком виде, меня по селу, на стыдовищный позор перед народом.

Работа в колхозе. Василий Ефимович и конный двор

На третий день, по вступлении Василия Ефимовича в колхоз, ему дали должность скотника. Он должен был ухаживать за коровами, которые стояли в бывшем сарае Василия Лабина. В обязанность его входило накормить, напоить коров и вычистить навоз из коровьих стойл. Иногда, когда пока Ванька ещё не уехал в Арзамас на учёбу, отец брал с собой на помощь и его. Не хотелось Ваньке чистить коровьи стойла от примёрзших к полу «лепёшек». Но отец, отговариваясь оправдывался:

– Я-бы не взял тебя навоз-то убирать, да мне одному трудновато, а заменить тебя некем, Васька-то ещё мал!

Потом Василию Ефимовичу правление колхоза поручило на дому выпекать хлеб для колхозной столовой, а впоследствии его послали в Арзамас на курсы садоводов. Любит Василий Ефимович, чтобы около его дома всегда был народ, для этого он поделал у своего палисадника, и у мазанки лавок-сидений, а потом устроил детские «гигантские шаги» под окном, на которых целыми днями и вечерами парни, да и девки не против были покататься на них, они болтыхались на петлястых верёвках. Когда-же во дворе Савельевых устрои-

ли колхозный конный двор, то народу около их дома всегда было уйма. Около дома Савельевых шумно: драка на драке, игра не игра! Когда мужики, ещё не вступившие в колхоз, спрашивали Василия Ефимовича:

– Ну как, в колхозе-то?

Он отвечал:

– Гораздо стало легче, а всё равно, недосуг мне тут с вами валандаться, у меня по дому делов невпроворот.

На конном дворе у Савельевых стояли обобществлённые лошади колхозников, некоторые лошади носили, клички по фамилиям бывших их хозяев – «Круглиха», «Кустиха», «Додониха», «Вагон», «Вертеха». И люди-колхозники, приходя на работу, просили конюхов: «Ну-ка выведи мою «Круглиху», я в поле пахать на ней поеду!» Строптивым конюхам-активистам это не нравилось, они с недовольством упрекали бывших хозяев лошадей:

– Была твоя, а теперь она не твоя, а колхозная!

После учёбы на летние каникулы, в село возвратился Ванька, ему часто приходилось на колхозных лошадях вместе с мужиками пахать в поле, на подъёме пара, и случись же такая беда! После работы на обед Ванька сев верхом на лошадь погнал в село напрямик, галопом. В борозде лошадь споткнулась и свихнула себе ногу в колене, Ваньке пришлось хрому лошадь вести в поводу, а на другой день пахать на

другой лошади. Находясь на пашне, Ванька весь день был молчалив, он болезненно переживал за загубленную им вчера лошадь...

Из Арзамаса, из Рика, в правление колхоза пришла телеграмма, в которой срочной вызывался в райком, с отчётом и за очередными указаниями председатель Федосеев. Чтобы не отрывать работника от дела, Федосеев решил в город поехать без кучера. Он зашёл на конный двор Савельевых, где кроме дежурного конюха-старика Василия Лаврентьевича не было никого. Бригадир Александр Круглов, строго-настрого наказал конюхам без его личного указания лошадей никому не давать.

– Запряги-ка мне лошадку в тарантас, да побыстрее! – обратился Федосеев к конюху.

– Порожних лошадей нету! – уверенно отрезал конюх, не зная, что перед ним сам Федосеев, которого конюх по первости не знал в лицо.

– Как так нет, а эти? – возмущённо удивился председатель, краешком глаза заметив, что в стойлах стоят лошади и хрумкают корм. Конюх, следуя за Федосеевым, стал нехотя отчитываться:

– Вот на этой, только что приехал из поля бригадир, вишь вся в мыле, у этой вот нога сломана.

– Как сломана? – удивлённо обеспокоился Федосеев.

– Да та, вчера парень на ней поехал в поле, а в обед до-

мой верхом погнал, она проступилась, вот и... видишь, она ногу-то на весу держит.

– Действительно, – согнув ногу в колене, лошадь болезненно дрожа всем телом, держала переднюю ногу на весу, и услышав говор около её, повернула голову к людям, и жалобно глубоко вздохнула, прядя ушами, сверкнула белью покосившегося на людей глаза... От дрожи, её нога блестя отполированной на пашне подковой, дробно выбарабанивала по деревянному настилу стойла.

– Так надо её лечить! – полуприказным тоном сказал Федосеев.

– Вот придёт вертиринал, лечить будет, а мы что, конюха, народ тёмный, а вот придёт конный фершал, он пусть и лечит, он на скотских курсах обучался, а мы что-о-о. Утром ветеринар приходил, пощупал, помазал, сказал, чтобы недельку на больничный её поставили.

– Ну, а эта? – спросил председатель, когда они подошли к следующему стойлу, из которого виднелся справный лошадиный зад, над которым с посвистом бойко хлыстал хвост отгоняя надоедливых мух.

– Эта лошадь Берёжа! – тоном знатока пояснил конюх.

– Как Берёжа? – недоумённо спросил Федосеев, – для кого же она бережётся? – спросил он.

– Да она ни для кого не бережётся, а сказано тебе русским языком, что она Берёжа! Стало быть, жеребёнок у неё скоро будет!

– А-а-а! Жерёбка! – с усмешкой на лице протянул Федосеев, – так бы давно и сказал!

– Я тебе давно и толкую! – сразу сказал, а ты, видно, не понял.

– Ну, запряги же мне какую-нибудь! – начиная волноваться, требовательно сказал Федосеев.

– Нет, не запрягу! – сказано тебе, что порожних лошадей нету. Нет и всё! Чего ты ко мне пристал, как банный лист к ж...

– А если я пойду и поищу по стойлам, да найду и сам запрягу, тогда как? А?

– Нет, не запряжёшь. Хоть и видно, что ты из раёну, а всё равно самовольничать не велено, а то я блигадиру скажу, или на тебя пожалуюсь самому председателю Федосееву!

– Я и есть Федосеев! Ты разве не знаешь?

– Как так ты Федосеев? Ведь сказали он рябой, а ты вовсе не рябой, а рыжий... Гм, нет бишь, что это я мелю!.. Ну тогда другое дело! Миколай Алексеич, я сейчас, я моментом тебе запрягу!

Конюх суетливо схватил со стены сбрую, и стыдясь от своей оплошки, от конфуза высунув язык, поспешил удалиться в глубь двора и вскоре вывел оттуда развесёлого, вороной масти коня. Конь, сытно всхрапнув, охотливо устремился головой, подставленной конюхом хомут. А когда запряжка подходила к концу, конюх, поплёвывая на супонь, виновато проговорил:

– Ты уж товарищ Федосеев, меня низвини, я не узнал тебя, мне сказали, что ты не такой по наружности-то, вот я и ошибся малость. А по правде сказать, уж больно много начальников-то поразвилось – бросишь палкой в собаку, попадёшь в начальника, а вить, на такое недоразумение обидитца могут! – заглаживая свою вину перед председателем, унижённо оправдывался конюх.

– Ничего! Со всеми бывает! – сочувственно, успокаивал Федосеев.

Он сел в тарантас и расправляя в руках вожжи, наказал:

– Ты скажи бригадиру, чтобы ветеринар за больной лошады почаще надсматривал. А парень-то бишь чей на ней работал?

– Здешний, Савельев Ванька! – доложил конюх.

– Непременно накажем, оштрафуем трудодней на десять, чтоб не повадно другим было, коня надо беречь! – заключил наказ Федосеев и дёрнув за вожжи прикрикнул на лошадь: – Но-о!

Лошадь с места побежала рысью, тарантас гремя тронулся по дороге. Колёса лихо завертелись, поднимая и взбурдаживая придорожную серую пыль, которая вскоре скрыла удаляющуюся повозку и лошадь с седоком. Конюх долго стоял и взглядом провожая повозку, в душе всё ещё переживал свою оплошность перед председателем.

Ершов на косьбе и на сенокосе с Дунькой

Колхозники косили овёс с викой. Николай Ершов попал в артель мужиков, которую послали в поле косить вику. С утра, косилось легко и споро, а как солнышко стало припекать, у мужиков появилась какая-то нудная немощь и лень. Они присели отдохнуть, одни затажно курили, другие прилегши на валы скошенной вики дремали. Николай Ершов, завернув сигарку величиной с чуть-ли не в стариковский ладошек, закурил и, как обычно, перед мужиками, повёл свой рассказ о своих любовных похождениях. Он начал так:

– Восейка, во время сенокоса, меня вместе с мужиками, спорыми в косьбе. Я гляжу, вот из вас тогда с нами никого не было, послала в лес на сенокос, косить колхозные луга. В лесу, когда мы прибыли на место, под развесистой берёзой, устроили шалаш. В нём мы мужики косцы ночевали и с нами в шалаше ночевала Дунька Захарова, посланная с нами на сенокос, в качестве куфарки. Хоть среди нашего мужицкого персонала и оказалась баба, но насчёт шалости был порядок строгий. Так вот, первый день косьбы у нас был на редкость удачливый, мы подвалили траву не меньше одной трети всего пая! А к вечеру, и надо было случиться такому несчастью, я об косу порезал палец! Стал вострить косу, а брусок брык

и лопнул напополам. Я с досады выругался и стал точить обломком. И, где греху быть, брусок-то и соскользнул с косы-то, я нечаянно ихмызнул пальцем по жалу косы, развалил палец. Кровища потекла, как из заколотого барана. Мужики перепугались, да и мне не до смеха, завязывай, говорят мне, скорее рану-то! Я оторвал от кальсон лоскуток тряпицы и палец перевязал. А с завязанным пальцем уж какая косьба. Мужики стали прогонять меня домой, а я не послушался, заупрямился, думаю с раной-то и дома-то ничего делать нельзя. Мужики принялись снова косить, а я побрёл в шалаш, думаю, немножко отлежусь, авось к завтрашнему утру палец и подживёт! На другой день, утром, чем свет, мужики отправились косить, а меня, как больного оставили в шалаше, не потревожимши. Вскороги, я, проснувшись, огляделся, кругом пусто и тихо. Вижу, в самом углу на примятом сене, скукожившись, спит Авдотья. Ах, думая, мать честная, вот момент подходящий, сыграть с ней в свои козыри! И да видно не в добрую минуту покарабкался к ней. А я, братцы надо вам честно признаться давно на неё зуб имею, и грешным делом, ещё с вечера на неё позарился, когда ужинали у костра. Вот думаю, товар без толку пропадает, а у самого в голове мысль, как бы к этому товару прицениться. А вы, конечно, сами знаете, что она сама собой смазлива, соблазнительна и междуляция у неё заманчивая. Так вот. Я по-простецки и думаю, чем добру пропадать, надо мол им воспользоваться, и ей в угоду, и себе в удовольствие! Ну и вот, подполз я к

ней на карачках, и прилёг с ней рядом. Она молчит и даже не пошелохнулась. Мне подумалось, или она больно крепко спит, и ничего не слышит, или притворилась спящей, а всё слышит, и рада, что я к ней прилаживаюсь. Не долго раздумывая, я просунул руку ей за пазуху и ухватился за мягкое место, она даже не шевельнулась! Ну, думаю, дело идёт на лад, всё по моему замыслу, и стал нежнѐхонько подъеффериваться к её пышной комплекции. Она всё молчит. А я, от добрых людей слыхивал, что молчание знак согласия. Я и стал уж действовать смелее и настойчивее. Ну, мужики, если вам от всей души признаться, как я в этот момент разгорелся и трепетал всем телом, про больной палец забыл, аж во рту стало сухо и в ушах музыкально зазвенело! Вот, думаю, подвалило мне счастьеце, и никто не мешает, и она передо мной лежит, как пышка, раскинув свою междуляцию! Ну, думаю, такого случая у меня отроду небывало, и об этом всю мою жизнь помнить буду! И действительно, никогда не забуду, и вот почему. Только, это, я было перевернул её вверх лицом, и рукой полез куда следует, вдруг она, всхлипнув, как встре-пенѐтся, спросонья открыла испуганные глаза и видя, что я уже над ней, и вот-вот дело сотворять буду, она ка-а-ак пинѐт меня ногой в харю. От сильного удара, сначала мне подумалось, что она не ногой ударила меня, а оглоблей, у меня из глаз искры посыпались, а изо рта кровища хлынула. Я рукой зажал рот-то, а кровь так и просится меж пальцев-то наружу. Всѐ-то кругом окровавил, чую, что-то во рту хрустит,

сплюнул на ладонь, гляжу обломок в ползуба выпал, его как зубилом срезало! Вот думаю, тебе и «знак согласия!» морщась от боли, смотрю на Дуньку, только не на её лицо, оно меня больше не интересовало, а на ноги, в чём она обута, а она обута оказалась в кожаные сапоги с железными подковками. Она, конечно, испугалась, видя, как я весь в кровище валандаюсь по сену, и как-бы в своё оправдание говорит мне: «Не за каким чёртом было тебе лезть ко мне!» «Да я хотел тебя пожалеть, укрыть от холода, ведь ты к утру-то озябла, я и хотел на тебя свой пеньжак накинуть, а ты вон, что наделала!» – сквозь больную щербину вранливо лепечу я. Это ещё благодаря богу, как она мне все передние зубы не вынесла! А ведь таким ударом подкованым сапогом, могла меня всего передка лишить, тогда бы что? Ходи бы я весь век беззубым и жамкнуть было бы нечем! (55) А ведь в суд на неё не подашь, ни один судья не привлечёт её к ответственности, скажет – «знал куда лез, сам виноват». Да я и сам сознаюсь, что сам виноват и до сих пор себя ругаю: «не лезь со своими грязным рылом в калашный ряд!» Тогда я забился в угол шалаша, пришипился и уснул. А Авдотья вышла наружу и принялась застряпню, стала готовить для косцов завтрак. Часа через полтора, гремя косами к шалашу подошли мужики, стали завтракать. За завтраком, кто-то из мужиков заметил мне: «Миколай, видать у тебя палец-то разбередился, кругом уйма крови понакапано!» «Видать я ночью его разбередил!» – с затаённой улыбкой оправдался я. А сам, на-

рочно завязанный палец держу у всех на виду и болезненно морщусь. А Дунька, едва сдерживая смех, сознательно молчит – про каверзный наш случай, ни гу-гу. А чтобы как-то загладить мою обиду на неё, она мне потаённо от мужиков, в чашку навалила столько мяса, что я с ним едва справился, шамкая своим болезненным и беззубым ртом. Вот с той поры, я и хожу щербатым. Корень от сломанного зуба не выпадет и новый зуб не растёт! Так и хожу с окошечком в верхнем ряду зубов. Да оно, это окошечко, и не мешает, разве только неловко твёрдые корки раскусывать и мослы грызть, да разговор из-за него получается с посвистом. Хотя моя баба с тех пор и зовёт меня ругательски «щербатый», а мне не жалко, пускай ругает, мне ведь жениться-то не завтра! А между прочим, баба у меня долго дознавалась и допытывалась, где я зуб потерял, а я, набравшись терпенья и об этом ни гу-гу, хренника два, чтоб я открыл эту тайну. А если бы, к примеру, она узнала бы об этой истории, так и знай, житья бы мне в доме не было. Она бы меня из дома выгнала, и с вольного свету сверзила, она у меня такая буйная и решительная, что не приведи, Господи! Да хренника с два, чтобы я перед ней все секреты свои выказал, ведь я всё же не по банному крытый, и этого она от меня никогда не дожждётся! Я ведь мужик-то не из робкого десятка и давно уж со взрослыми обедаю! Эх, только жалко, что золотая пора отошла, а то бы я ещё почудил, поклузил бы на белом свете! Ну, мужики, отдохнули, пора и за косы браться.

Серёга и Анисья

Лёжа в постели, прильнув к Серёгиному уху, Анисья с обидой, но любовно нашёптывала: «А поговорить-то нам с тобой по душам и не приходится, да и ласкаться-то нам с тобой всё неколи. Вот уже подоспел сенокос, а там, глядишь, жнитво на пороге, и так все полевые работы вплоть до самого Покрова, мы с тобой всё в работе и в работе. На сенокосе целоваться-то нам с тобой приходится только, или забравшись в густые кусты, или в шалаше ночью, когда все крепко спят!» Серёга или дремотно спал, или из-за усталости своей, пассивно внимал наговорам жены, да и вообще не понял к чему эти Анисьины разговоры. И будучи уже в лесу, на сенокосе, Анисья уставшая от воробчанья сена и изомлевшая на солнечном припёке воспользовавшись тем, что они с Серёгой вдалеке от остальных сенокосцев, подозвав Серёгу сказала:

– Серёг, почеси-ка мне спину, так я вспотела и зачесалось, терпенья нету!

– А ты возьми в руки клочок подсохшей травы, сожми её жгутиком, залезь под рубаху-то и почеси, где чешется, надери конец-то чтоб больше не чесалось! – по недогадливости отрекомендовал Серёга Анисье.

Анисья, так и сделала, сеном начесала себе спину, до такой степени, что почуяла, как саднеет спина от пота, а на

Серёгу затаила незлобивую обиду. После сытного обеда, отдохнув от работы дождавшись, когда остальные нырнув в шалаш захрапели, Серёга, раззадорившись начал сманивать свою Анисью в густые кусты, но Анисья припомнив свою на него обиду не поддаваясь его соблазну, отнекалась и поспешно юркнула в шалаш, и прилегла на сено отдыхать. Серёга прилёг с Анисьей рядом. Анисья вскорости заснула и ей объял крепкий сон с тревожно-тягостным сновидением. Видит Анисья во сне, как наяву: Серёга будто что-то беззвучно проговорил Анисье и махнув рукой пошёл от неё, удаляясь вниз по крутому оврагу и вдруг утонул в омуте. От испуга Анисья во сне застонала. Встревоженный Серёга разбудил её. «Что с тобой, Анисья?» «Сон я нехороший видела, так перепугалась, что и сейчас сердце бьётся, как у голубя!» – тяжело дыша ответила Анисья, а сущность сновидения, Серёге так и не сказала, утаила. Анисьин сон оказался трагически вещим. Не прошло и двух месяцев, с Серёгой случился несчастный случай, он нелепо погиб. Он погиб во время возки овсяных снопов с поля. В поле за снопами Серёга ездил с отцом. Наложивши воз снопов, Серёга остался на возу, а отец шёл пешком рядом с возом. Утомлённый Серёга прилёг на снопы, тряская дорога убаюкала его, и он крепко заснул и проспал до самого дома. При въезде во двор, отец забыл разбудить Серёгу, воз туго пролез через низковатые ворота, спящего Серёгу придавило. Случилась беда. Семья всполошилась, заохала, сбежался народ. Горестно покачивали го-

ловами бабы. «Он видно уже не жилец, видите он в однолук дышит» – шептались у порога бабы. Мать, горестно слезившись, хлопотливо укладывала на побледневший Серёгин лоб старинный медный пятак.

– Иван, перепрягай лошадь-то, да вези его скорее в больницу! – посоветовал Фёдор.

– Да чего его везти-то, он еле-еле дышит, того и гляди скоро изойдёт, – полушёпотом проговорила одна из баб, видимо считавшая хлопоты о больнице напрасными.

Серёга пожил, промучился три дня, на четвёртый в ночи умер. Анисья осталась молодой вдовой, да и осталась-то не пустой, а в животе с ребёнком. Целых сорок ночей к Анисьи летал летун, издевательски мучал её, пинался в брюхо. В со-роковой день Анисья скинула. Готовясь к поминкам о Серёге, Анисья сильно натрудила себя и внесши со двора в избу беремя дров, не выдержав натуги присела, болезненно ойкнула. Мертвенно побледневшую Анисью положили на кутник, и свекровь заметила, что из Анисьи вышло. Сделав, что надобно, свекровь проговорила, собравшимся около Анисьи бабам:

– А, как раньше-то прямо в поле на жнить-то родили! А эт всё дома, а не в поле! Ну-ка вот, приложи к брюху-то медный пятак, всё полегче будет! – наклонившись к Анисьину уху посоветовала свекровь втискивая в мертвенно повисшую руку старинной чеканки веский медный пятак.

– Сразу видно, у бабы волос долог, а ум короток! – заметил Иван, считая, что пятак боли у Анисьи мало убавит...

Жила Анисья молодой вдовой в доме свёкра ни хорошо, ни плохо, но без мужа чувствовала, что живёт она в чужом доме, но жить там продолжала. После выкидыша от болезни поправилась. Спала она на кутнике, на самом видном месте. Однажды днём, Анисья после обеда прилегла на кутнике отдохнуть и заснула. Спала так крепко, что не почувяла, как с ног сбилось одеяло, голые ноги растопырив, как стропила, из-под всбившейся вверх рубашки всё видно. Лежащий на печи свёкор, это заметил и громко захохотал. Анисья испуганно всхрапнула и проснулась. Спросонья, она судорожно коленками схлопнула и стыд прикрылся. Заметив, что на неё смотрит свёкор, она догадливо зашарила рукой по груди, запрятала на место выбившуюся из прорехи рубашки грудь. Ей стало неловко перед свёкром, она, привстав притихла, безнабостно стала рассматривать пятнышко слюны, оброненное на подушку во сне.

– Что распустила сумки-то?! – грубо и злобно упрекнула Анисью свекровь, выглянувши из чулана, в тот момент, когда Анисья заправляла свою грудь на место. – Отрастила бёдры-то, – добавила колкое слово свекровь.

Свекровь, видя, что Анисья без мужа и выкидыша стала наливать, потаённо вознелюбила сноху, старалась навалить на неё больше работы. Заставляла носить воду и дрова.

А один случай и вовсе послужил к тому, чтобы свекровь возненавидив стала всячески изживать её из дома. Как-то однажды под осень, зашёл к ним в дом по делу лесник Николай Смирнов. В это время сидя на сундуке поднимая высоко ногу, обувалась Анисья в лапти. Николай присмотрелся на Анисью, а та его взора не замечала, продолжала старательно увивать ногу портянкой и в забытьи так высоко задирала ногу, что явственно были видны голые ляжки.

– Эх ты, какой бесстыдник, баба в лапти обувается, а ты на неё глаза лупишь! Хоть бы отвернулся, а то вылупил свои бессовестные буркалы и хоть сери тебе в них, ни стыда, ни совести! – злобно обругала Анисьиная свекровь Николая.

Вместо того, чтобы застыдиться, он, скорчив рожу отговорился:

– Чай я её не украл у неё! – пробовал отшутиться Николай. – Ведь у меня своя баба под боком не хуже её!

Но старуха разошлась не на шутку. Заимев намерение гостя вытурить из дому и видя, что он слов не понимает, она с поспешностью зашла в чулан, взяла в руки ухват и направив рогами ему в лицо, строго погрозила:

– Хошь я тебе сичас все глазищи твои бесстыжие выколю?

Николай, сконфуженно попятился назад, отворив задом дверь, выпятился в сени и хлопнув дверью, так, что она едва не слетела с петель, затупотал по ступенькам крыльца.

Анисье, свекровь торжествуя победу прорекла:

– Вот как надо поступать с такими нахалами! А ты расто-

пырилась перед ним и не видишь, как он на тебя глазищами-то лупит! Гляди Анисья, как бы он тебя не околпачил! Да не дай бог, состряпает тебе, тогда зачем ты нам нужна будешь?! И не лучше ли тебе уйти от нас! – тяжёлым словом, как камнем резанула свекровь. – Мы тебя всячески сподобляли, и жить-то тебе у нас было с полагоря, а теперь, видно, нам с тобой не ужиться. Так что ступай-ка в свой дом и живите там вдвоём с Дунькой.

– Я согласна, мне есть куда уйти-то, свой дом не малый, всё же две избы есть где поселиться, а перед вами я в незаменимом долгу! Спасибо, что признали! На этом и попрощалась Анисья с свёкром и свекровью, перешедши жить в свой дом, благо он был вполне исправным и находился всего через два дома.

Делегация в колхоз «Привольная жизнь»

Яков Комаров, совместно с другими членами делегации, побывал в «старом» колхозе «Привольная жизнь», куда эту делегацию мотовиловцев посылали для ознакомления с жизнью колхозников с агитационной целью, с тем расчётом, чтобы делегация, прибывши в своё село пропагандировал достоинства колхозной жизни, как говорится: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Лично у Якова, от посещения колхоза «Привольная жизнь», впечатления остались самые отрицательные. И чтобы поделиться суждениями, поэтому поводу, он решил сходить к своему старому товарищу, знающему обстановку настоящего положения мужика, Крестьянину Фёдору.

Идя по улице, Яков заинтересовался разговором Устиньи Демьяновой с её сыном Васькой.

– Васёк, ты не брал у меня серп? Мне надо на усадьбу идти ботву жать, а серп никак не найду! – спросила мать Ваську.

– А я его, мам, взял, вон я его вместе с молотком к углу избы приколотил!

– Ах ты окаянный, ведь он мне надо, чем же я литвинь-то жать буду? Сейчас же подай мне серп!

Васька, сконфузившись полез по углу избы и оторвав серп подал его матери. Яков подумал про себя: «Вот пионерия беспорточная растёт, с малых лет, а в политику вдался!» Фёдора Яков нашёл на озере, где тот занимался рыбной ловлей мередами, вместо лодки приспособил сбитый из жердей плот с устроенным сиденьем.

– Здорово Фёдор Васильевич! – поздоровался Яков с подплывающим к берегу Фёдором.

– Доброго здоровья, – отозвался Фёдор.

– Рыбкой занимаешься?

– Да, только рыбы-то в озере стало совсем мало, раньше её было до пропасти, а эт, что-то повывелась! – с недовольством высказался Фёдор, держа в руке ведёрко с уловом карасей.

– Я к тебе на беседу пришёл, надо с тобой по секрету потолковать о житье-бытье, – известил Яков причину прихода к Фёдору.

– Ну, тогда пойдём ко мне на дом, на улице-то о секретах не разговаривают.

Дорбгой Яков как-бы, между прочим, поинтересовался:

– Ну, как твой сосед Савельев поживает?

– А мы с ним повздорили, и теперь мы с ним встреч избегаем, он стал колхозником, а я туда ни за что не пойду.

Раздор, между шабрами произошёл из-за того, что они друг на друга обижались, что налоги платили разные, хозяйство, вроде бы, одинаковые, а налоги с них брали разные, вот из-за этого-то они и раздружились.

– Ты, Яков Иванович, я слышал, в посторонний колхоз ездил, ну как там живут?

– Ездил вот по этому поводу я и пришёл к тебе, чтоб побеседовать. А насчёт того, как там колхозники живут, я тебе прямо скажу, не живут, а ревямя ревут!

– Что так?

– То, что сами колхозники, с которыми я в одиночку беседовал прямо заявляют, в единоличном хозяйстве жилось лучше. Я там спросил одну бабу-колхозницу: «правда, что у вас в колхозе жизнь-то привольная?» А она мне в ответ: «Что ты ревямя ревём! Работаем в колхозе не покладая рук, мужик мой из хомута не вылазит, за работу платят трудоднями, а в лавке без денег-то ведь ничего не купишь! Да и хлебом-то в лавке-то не торгуют. А в колхозе-то всё под замком. Хлеб выдают по спискам. А эти самые списки то ещё не составлены, то правлением не утверждены, то председателем не подписаны. А то на складе муки нет. А ведь ребятишки-то об этой бюрократии и знать не хотят, им дай в руки кусок папы́. А не дам, так с голодухи плачут». «А муж-то что?» спросил я её, «Что муж, он активист, за мировую революцию готов и меня предать». Вот каковы дела в «Привольной жизни».

– Да, дела неважные! – подтвердил Фёдор.

– Загонят крестьянина, как вольную птичку в золотую клетку и на поди! – сокрушённо сказал Фёдор.

– Да всякая власть есть насилие! Есть притеснители, есть и жертвы! – отозвался и Яков.

– А что ваш-то Алёшка, больно выступает за колхоз? – спросил Яков Фёдора.

– Он себя социалистом ставит, а я его упрекнул: «Вы вот такие-то не социалисты, а квакеры!» С Алёшкой-то у меня одна склока, хоть он и сын мне.

– Да, вздумали русского доверчивого крестьянина загнать в колхоз. Власть в колхозе, по-моему, будет находиться в руках малограмотных, невежественных людей. Они же, возмнив себя руководителями народа, по своему произволу из корыстных целей будут измываться над тружениками? Кого хочу помилую, кого хочу казню! – так философски и предугадательно высказался Яков.

– Не даром, из кожи лезут, стараются всех загнать в колхоз, как овец в стойло, – отозвался Фёдор. – Это что ж, выходит снова наступает военный коммунизм? – добавил он.

– Выходит так, у них есть лозунг: «Мир хижинам, война дворцам!» – а с таким лозунгом. Частной торговли с благополучием народа пришёл конец!

Анисья и Дунька Захаровы. Смирнов

От скуки ради, Анисья подружилась с Дунькой Захаровой. А та, узнав, что Анисья перешла жить в свой дом, решила навестить молодую, одинокую вдову, занять с ней дружбу. Пришла познакомились и подружились.

– А всё же плохо жить во вдовах, да в молости-то! – сокрушённо призналась Анисья Дуньке.

– А почему так? – спросила её новая подруга.

– А так, что нельзя мне стало на люди выйти, мужики так и хватают, так и хватают, словно я для их дверная ручка, а помощи ни от кого нету, в хозяйстве поправить и о дровах похлопотать некому! – жаловалась подруге Анисья. – Это ещё мало, что мужики пристают, а на днях мы с бабами сидим на завалине, беседуем, а около меня Панька Крестьянинов сидел. Сидел, сидел, да так пригрелся, что чую, втихомолку ко мне к грудям рукой проберётся. «Эт ты куда лезешь?» Стала совестить его я, а он в ответ: «А ты не кричи, не болгарь народ-то, погоди, я только руку погреть». «Мне нечего годить, мне не родить, ведь я тебе не ровня, а ты вон что выдумал, а по тебе кнут соскучатся. Молокосос, давно ли ты соску из кадыка-то выпустил, молоко-то материно ещё на губах не обсохло, а ты вон чего надумал. Ах ты бесстыдник!» Уж

я ево, уж я ево так пристыдила, расчихвостила, что он покраснелся, как рак, задом, задом и со стыда домой побежал, а я ему взапятки кричу: «Я вот матери твоей скажу, чтобы она тебя женила, берёзовой палкой вдоль спины-то! – рассмеялась Анисья.

– А ты бы пинула ему под яйца-то, он и узнал бы как лезть туда, куда его не просишь, – порекомендовала Дунька.

– Хоть бы какой присватался я и то бы пошла, одной-то жить скушновато, да и боязно!

– А ты давай всем, кому ни попади, – наивно отрекомендовала ей Дунька.

– Да-а-а ты что, этого никогда не будет! – закругляя беседу с Дунькой утвердила Анисья.

Охваченная заботами по хозяйству, Анисья пришла к Савельевым, спросила:

– У вас Сенька-то где?

– Вон в сенях спит, а что? – поинтересовавшись о причине прихода Анисьи, спросила её Любовь Михайловна.

– Да он вчера обещался мне заявление в совет на дрова написать, так вот мне и грептится узнать, он дома или нет.

Мать Саньку разбудила и от себя попросила его, чтоб написал заявление, уважил просьбу одинокой вдовицы. Санька, встав, тут же взял бумагу и перо и без всяких проволочек заявление написал: та, получив в руки документ, без которого дров не приобретёшь, поблагодарив Саньку ушла. Не

только дрова обеспокоивали Анисью, и вопрос о запасе продуктов питания не в меньшей степени озадачивали её. Собрались бабы в лес за грибами и Анисья присоединилась к ним, тоже пошла в лес. Идя из лесу с грибами, которых она набрала полное с верхом лукошко, Анисья несколько поотстала от бабьей артели. Ей отягощало лукошко и болезненно беспокоила натёртая за хождение по лесу нога. Присев на пенёк, на выходе из лесу, Анисья решила немножко отдохнуть, переобуть натёртую ногу. Только она разула ногу, а лесник Николай Смирнов тут, как тут.

– Вот ты где мне попалась! – За грибы тебе придётся ответ держать, ведь ты их в лесу набрала, а я в нём хозяин! – шутливо попугал Николай перепугавшую Анисью.

Видя, что Анисья от такого нечаянного нашествия лесника не на шутку растерялась, он стал её успокаивать, стараясь завести с ней разговор на любовные темы. Оправившись от перепуга, Анисья решила использовать встречу с лесником, на дело разрешения дровяного вопроса, заявление на дрова, подписанное сельсоветом, кстати оказалось у неё при себе. Анисья робко подавая заявление в руки Николаю, сказала:

– Вот мне бы дров, где бы в лесу ты указал? – с робостью проговорила она.

– А где муж-то у тебя? – спросил Николай, для полного осведомления, хотя он и слышал о погибшем её муже, но он точно об этом не знал, ведь он жил в лесу на кордоне.

– Погиб! – вот уж два месяца, как его нету! – грустно

вздыхнув проговорила Анисья. – Вот без мужика-то и приходится самой хлопотать о дровах-то, а их ведь придётся выкупать, а у меня и денег-то нету! – высказывая свою нужду перед Николаем, она как-то униженно склонила голову, её слова были печальными и она их выдавляла из себя, словно в чём-то провинилась.

– А сколько тебе денег-то надобно? – спросил её Николай, решив сделать зацепку на этом деле.

– Да так-бы рубликов десять, на всякий случай, на перевёрт!

– Я твою просьбу могу уважить, хоть сейчас, я их тебе выдам!

– Так давай их скорее, мне не ждётся! – без малейшего намёка на любезность обрадованно встрепенулась Анисья.

– Это зависит от тебя, и мне не терпится, ты мне не дала договорить. Деньги ты от меня получишь, если согласишься пойти со мной на любовные дела!

– Ах, вон оно что! – недоумённо протянула Анисья.

– Да, да, если согласишься, я тебя не только дровами обеспечу, а всю озолочу! Да и вообще, я может быть пригожусь в твоём вдовьем хозяйстве.

– Не знаю, что тебе и ответить, надо мне об этом подумать, всё же это дело рискованно, как бы не оказаться у разбитого корыта, да у тебя и своя баба есть! – с тревогой и нерешительностью отвлечённо сказала она.

– Ну, на счёт своей бабы ты не беспокойся, она на кордоне

живёт. На вот деньги, и, если не прогонишь, я к тебе как-нибудь зайду на дом. Побеседуем, поговорим на эту тему.

Не долго раздумывала в этот момент Анисья, наивавшись вдовьей нужды и заботы, и сознавая, что её пожалеть и заступиться за неё некому, она взять деньги не отказалась, и на приход в дом Николая, ничего не ответила.

– Ну, мне надо скорее к дому пробираться, – забеспокоилась Анисья. – Бабы-то вон уж к селу подходят, а я тут с тобой разбалакалась.

Николай помог ей поднять лукошко на спину, и она медленно в перекачку пошла к селу, а он направился по окраюку леса.

Прельщённый Анисьей, Николай, не долго раздумывая, вечером же этого дня нагрязнул в дом к Анисье. Для первости, он так потаённо пробирался к её дому, что вряд ли кто заметил его, благо вечера стояли по-осеннему темно-мрачные. Наружная сенная дверь оказалась не запертой, он пробирался вкрадчиво, беззвучно, применяя свою ловкость, сноровку и находчивость.

– Ах, как у тебя предательски дверь-то скрипит! – перво-наперво сказал он, войдя в избу и поздоровавшись с изумлённой Анисьей. – А в сенях-то я чуть не заплутался, темнотища, как у негра в ж..., а спичек не захватил! – для первости, не зная с чего начать разговор, начал балагурить Николай.

– А я тебя вовсе не ждала! – растерянно проговорила Анисья, видя перед собой небывалого гостя, и как бы продолжая разговор, начатый Николаем о двери, она проговорила, – Ково бы нанять, дверь-то починить бы! – без всякого намёка, что эта просьба относится именно к Николаю.

– Гляжу я на тебя Анисья и думаю, ты молодая, баба хорошая, а призреть тебя некому, если не отвергнешь, я готов тебе всячески помогать в твоём хозяйстве и прочее. Дровами я тебя снабжу бесплатно и за починку двери не дорого возьму!

– А всё-таки сколько? – наивно спросила его Анисья.

– Совсем нисколько, если пригласишь сегодня ночевать у тебя!

– Нет, бери цену, я ничем не торгую, если бы торговала, то на углу у моего дома висела бы вывеска, ведь сам видел, что на моей избе никакой вывески нет! – твёрдо и с большой находчивостью отрезала Анисья Николаю.

– Да, что верно, то верно, никакой вывески я не видел! – разочарованно проговорил Николай. – Тогда я с тебя за ремонт двери возьму втридорога! – свернув на шуточный тон разговор, чтобы не обидеть Анисью, сказал Николай.

– Сколько стоит работа столь и бери!

– А на счёт ночеванья и не заводи, ко мне многие напрашивались, да я их от себя отшихиривала, разве я допущу такого.

– Но ведь без этого жить – только небо коптить! – гнул

своё Николай.

– Нет, ты и думки не думай, чтоб я поддалась, и перестань передо мной клянчить, – и чтобы не поддаться искушению, она поспешно поднялась с места, где она сидела против его, и отошла в сторону, не зная, что делать. – Что ты на меня уставился и глаза свои на меня так пронзительно пялишь?

– Да я не в первый раз на тебя гляжу, и не впервой тобой люблюсь. Восейка, шёл я по берегу озера, ты на мостиках бельё полоскала и увлётшись работой меня не замечала. Я, наблюдая за тобой, так очаровался и так сладостно заиграла во мне кровь, что подумал про себя: «Вот если бы с этой женщиной заиметь тесную дружбу, то ничего на свете не пожалел бы. Так что не проявляй своё коварство!

Николаю и сейчас припомнилось, как он залюбовался ей, когда она полоская бельё на озере, зажав подол между колен, с мостиков, полусвесившись над водой, буйно работав руками в воде, полоскала бельё. Она его не видела, была обращена к нему задом. Сзади у неё вздёрнулось платье, обнажив розовые упругие ляжки, приведшие его к искушению вожделения.

– Неужели я такая соблазнительная?!

– А кабы не так, я бы не стал тебя донимать!

– Да ты, Анисьюшк и то подумай, ведь я ни только о себе думаю, а о тебе больше беспокоюсь, как бы тебе в хозяйстве помочь и лично тебе, как молодой вдове угодить, ведь ты ещё так молода, и сама собой так красива!

– Вот ты какой навязчивый! Искунитель и соблазнитель мой! Я гляжу на тебя и вижу, что и ты не плох собой, и какой-то вроде завлекательный! – не зная о чём говорить, в смятении души вырвались роковые слова у Анисьи.

– А хошь, я тебя совсем завлеку! – дрожа всем телом и давясь сухой спазмой проговорил Николай.

– Да ты меня и так завлёк, я уж и не радёхонька! – сладостно потягиваясь и в знак согласия елеино прищуренными глазами посмотрела на постель.

– Ведь знаешь, любовь не шутка, милая Анисьюшка! – горячо дыша ей в ухо, прошептал он в порыве подойдя к ней вплотную, не обману, сама не согласишься, насильничать не стану! – затаив дыхание она прильнула к нему. – Уж если влюбляться, то до всего надо добираться! – в ярости схватив её за груди и норовя поцеловать её.

– Пстой, я постель разберу. А вдруг я забрюхачу! – вырвалось у Анисьи слова сомненья и тревоги, хотя уже вдовье молодое сердце не устояло перед соблазном, она, раздевшись быстро юркнула на постель, укрылась одеялом.

– Огонь-то загасить, что ли? – задыхаясь сказал он.

– Задувай, я легла! – взволнованно сказала она.

Фыкнув на лампу, он стал разуваться, раздевшись он направился к кровати, шлёпая голыми ногами по голому полу.

– А мне с тобой ложиться что ли? – скромничая спросил он.

– Ложись, только не щекоти меня!

Он, впрыгнув на кровать, мигом очутился под одеялом, впился губами ей в пахнувшими женственностью нежные губы, и всем телом своим ощутил её трепещущие в возбуждении мягкое пышущее женским теплом тело.

– Вот это не дело! – досадливо проговорил он. – Легла в постель, а амуницию с себя не сняла, – упрекнул он её.

– Надо, так сам снимешь! – выдохнула она.

Он резким рывком рванул за резинку, сдёрнув с её ног располосованный надвое панталоны. Под одеялом, их ноги сплелись воедино, тела свились клубком...

– Ну и зачем я с тобой испоганилась? И все трусы на мне изорвал! – упрекнула она его. – Купи мне новые трусы и резинки на ноги, о то чулки съезжают.

– Буду в городе, непременно куплю!

– Ну, ступай скорее, пока затемно, а то люди увидят, тогда мне хоть не выходи на улицу!

Пятилетка. Индустриализация. Автозавод. Торгсин

Ещё в 1928 году объявив пятилетку на индустриализацию страны, построить 518 фабрик и заводов и 10 МТС, партия объявила боевой лозунг: «Наступление по всему фронту!» Начато строительство «Днепростроя» и Нижегородского автозавода. Все средства и продовольствия в стране взяты под контроль партии. «Сразу вдруг всё куда-то подевалось, словно сквозь землю провалилось» – говорили в народе. В 1939 году, в городах введены карточки на хлеб, для снабжения продовольственными товарами ИТР, открыты закрытые распределители «Торгсин» (торговля с иностранцами – обречение с капиталистами), в котором на золото, можно было купить всё, что угодно, обыкновенная же торговля свёрнута до минимума, магазины закрывались. Из населения через «Торгсин» выкачивалось золото (в монетах, и в вещах, серьги, кольца и проч.), которое нужно было государству для покупки машин и станков за границей. Взяв курс на реконструкцию всего народного хозяйства страны, партия объявила лозунг: «Догнать и перегнать Америку» – изобразив два паровоза мчавшихся, в перегонки. С невероятной лёгкостью было вдолблено в сознание большинства доверчивых людей, что жизнь, при которой изобилие дешёвых товаров доступ-

ных для каждого человека – это абсурд, эксплуатация народа, которая мол производится кучкой кулаков и нэпманов. А получение людьми продуктов в виде пайка по карточкам стало считаться чуть ли не за счастье, достигнутое в борьбе за Социализм. «Мы отстали от капиталистических стран на 50-100 лет», заявляла партия и это расстояние мы должны пробежать за 10 лет. Самой же главной задачей у партии было осуществить сплошную коллективизацию, тем самым производство товарного зерна взять в свои руки. Полученную разрезанную пачку махорки (на двоих) на суроватихинском приёмном пункте заготзерно, хлебосдатчик умилённо расцеловали стимул, и с весёлой улыбкой на лице сладостно закурили. Партия дала указание, немедленно завершить коллективизацию во всей стране и ликвидировать кулачество как класс. Нарушая принцип добровольности. Почти повсеместно стали силой загонять крестьянство в колхоз. Объединяли ни только основные средства сельскохозяйственного производства, лошадей, и машины, а стали отбирать и коров, и даже кур, и коз, тем создали недовольством среди крестьян, как у единоличников, а также и у колхозников, некоторые стали «выписываться» из колхозов. Восторг перед работой трактора в поле, у мужика-крестьянина сменился недовольством и враждой к колхозу. Крестьяне начали массовый убой скота, уничтожение молодняка, и вообще стало наблюдаться отвращение к колхозу. Центральное руководство партии издало статью: «Головокружение от успехов»

в которой было признано о вреде перегибов в строительстве колхозов, свалив эту вину на руководителей низов. Не хватало техники, не хватало грамотных людей, в результате дело в колхозах не клеилось, доходы в колхозах делились не по вложенному труду, а по едокам. Уборка урожая затягивалась, до снега, потеря зерна стала обычным явлением. Все эти неполадки были свалены на кулацкую агитацию, кулаки якобы «тихой сапой» старались развалить колхоз, агитировали за выход из колхозов. Партия дала указание: «Ликвидировать кулачество, как класс, на базе сплошной коллективизации». Под наплывом репрессий в колхозы стали вступать ни только отдельными семьями, но и целыми селениями, ломая на своём пути все устои деревенской жизни, которые создавались и держались целыми веками. Это была в буквальном смысле слова «революция в деревне». В деревне, жизнь перестала протекать обычным своим чередом, она потекла по-новому, ещё неизведанному, и не слыханному, в истории человечества пути. Партия дала лозунг: «Сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными». Кулаков выселяли на Соловки, а предусмотрительные люди, которых могла постичь та же судьба разъехались на стройки, в данном случае на строительство Нижегородского Автозавода.

Собрание колхоза

Выполняя директивное указание свыше о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, как класс, Арзамаские руководители прислали в Мотовилово бригаду, которая должна созвать одних единоличников села на собрании и поговорить с ними по душам о том, что настала пора прекращения колебания между колхозом и единоличным хозяйством. «Или сюда, или туда – иного выхода нет». В районном земельном управлении, бригаде дано указание склонить колеблющегося мужика-крестьянина от индивидуализма к коллективизму! Не нарушая конечно принципа добровольности. В этот день, после оповещения жителей села, что в избе-читальне созывается собрание, причём одних только единоличников, народ валом повалил в избе-читальню. К вечеру, в избе-читальне стал стекаться народ, вскоре тут собралась шумливая толпа. Басовито и развязно гудели, пыхая табачным дымом мужики, как стая галок галдели говорливые бабы. Народу собралось так, что не протолкнуться. В избе-читальне полно, и на улице людно. На сцене за столом президиума трое представителей из района (Ведерников, Васляев, Песикин), председатель сельсовета Малкин, председатель колхоза Федосеев, Мишка Грепа, и втёршийся в сельский актив Алёша Крестьянинов. В зале понабилося столько народу, что не пролезть и не пошелохнуться, теснота

и давка, со всех пот течёт, как в парной с потолка. Открыв собрание, со вступительным словом выступил Васляев. Его краткая речь, наряду с общими лозунгами, вроде: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» призывали, изобиловала конкретными положениями вроде того: «что пришло время оставшихся вне колхоза единоличников, всколыхнуть и встряхнуть так, чтобы они почувствовали, а то застыли под крылышком своего хозяйства и ни туда, и ни сюда, а выход из этого один: привлечь в колхоз, мы пожалуй сегодня так это и сделаем! Одним словом, всем здесь собравшимся мы предлагаем немедленно вступить в колхоз!»

– Вы нас силком хотите загнать, или по доброй воле? – кто-то спросил из зала.

– Добровольно, но обязательно! – выкрикнул в зал нетерпеливо сунувшись с языком, Алёша, видимо этим выболтал секрет условный на заседании актива о том, что к мужику надо поступать без гнилого либерализма перед собранием.

Из зала, в адрес выскочки Алёши посыпались неодобрительные выкрики:

– А ты, Алёш, не выпячивайся, ишь какой грамотей нашёлся, мудрец! Слабоумный!

Да и члены президиума ополчились на Алёшу.

– Не суйся, когда тебя не просят, – упрекнул его Федосеев, – что за выходки у тебя соваться не в своё дело.

– Вот тут и разберись в этой самой метифлюстике, – с обидой фигуристо проворчал Алёша.

Василий Самойлович турсуча локтями расталкивая народ, втихомолку, протискался вперёд, а когда он оказался чуть ли не у самой сцены, в адрес президиума запальчиво сказал:

– Я вот что вам скажу, начало-то видать добровольное, а под конец-то кнутом пахнет!

В зале гахнул одобрителный смех.

– Молчать! – властно и грозно рявкнул вскочивший с места в зал Васляев, и подтянув штаны, чтобы они не сглаголились при сидении, он приседши на своё место, потянулся к стакану с водой.

– Попей-ка, попей-ка, на дне-то копейка! – проговорил Василий Самойлович, и продолжал свою речь сказал: – От такого разговору у нас мужиков, пожалуй, скоро на двор захочется. Так что ж, прикажете, мне молчать и своим языком высказывать не свои мысли, а чужие?! За каким дьяволом я в колхоз-то пойду, на кой хрен он мне сдался?!

– На какой бес нам колхоз-то, мы век прожили и без него, до самой панихиды без колхоза проживём! – в поддержку Василия из задних рядов выкрикнул Ананий. – И не притесняйте нас, не насильничайте, а то будем жаловаться в Москву, до самого Михаила Ивановича Калинина дойдём, а управу найдём на вас! – взволнованно разгорячась добавил он.

На эти слова, сидящие в президиуме, ехидно заулыбались. Взад зала зашущукали, тревожно завозились, парни с девушками игриво захихикали. Публика заволновалась, все разом

загалдели, лица сидящих с возмущением повернулись в сторону разыгравшейся не у места молодёжи.

– А ну-ка брысь отсюда. Нашли место, где шупаться! Здесь не келья для вас! – грубо ополчился на молодёжь Санька Лунькин.

Стремительно выбегая на улицу, парни с девками гулко затупотали по полу, в дверях запрыскали, а выбежав на волю, громко гогоча рассмеялись. После водворения расшумевшейся молодёжи, слово взял Ведерников. В своей пространной речи, он говорил о пользе вступления в колхоз, о безвыходном положении крестьянина-единоличника, о благоустроенной жизни в колхозе. Под его монотонную речь, в зале некоторые дремали, а некоторые и совсем храпели.

– Докладчик-то совсем заврался, уж через дугу попёр! – притаённо шептались мужики меж собой.

– Завтраками нас кормит, а мы ещё не поужинали! Пошли по домам ужинать, к бабам поближе.

Слышался чей-то задорный с позевотой говорок. Из зала на сцену в лица членов президиума, сыпались реплики:

– Ты нам зубы не заговаривай! Они у нас не болят! – в полголоса притаённо пробуравил в средних рядах тенорок.

Фёдор Крестьянинов, решив, что настало время выступить, стал пробираться на середину зала, чтоб его было видно, и чтоб слова его были отчётливо слышны во всех углах зала и на сцене:

– Ну-ка дай-ка я пройду! Уйди с проходу-то, да уж и ощи-

пывайся, что встала на самом ходу и не даёшь людям пройти! – с укором он обрушался на Устинью, стоящую на самом проходе между рядов скамеек.

Та, обороняясь от Фёдора, начала скороговоркой что-то невнятно бормотать, обличительно оговаривая потревожившего её Фёдора.

– Ну-ка! – с силой оттолкнул Устинью в сторону и заняв удобное место, Фёдор, обращаясь к президиуму начал речь. – Вот вы нам на словах многое обещаете и ваши обещания приятно слушать, ваше дело говорить, а наше дело только слушать. Но я вам хочу и то сказать, зачем вы нас силком в колхоз загоняете. Обещаете нам привольную жизнь. А мне кажется, свежо предание, но вериться с трудом. Закабалить нас хотите, мягко стелите, да жёстко будет спать! Колхоз для кого заманка, а я лично не завидую и предполагаю, что к весне остальные-то разбегутся, ведь некоторые колхоз-то побросали.

– Они скоро снова в колхозе будут! – отпарировал Фёдору Федосеев.

– Вряд ли. Ведь щуку, сорвавшуюся с удочки вряд ли снова крючок соблазнит. Мышь, побывавшая в зубах кошки и вырвавшаяся, надолго запомнит, где она была. Да и вообще, не насильничайте нас этим колхозом, дайте нас вольготно пожить. Нам и в единоличном хозяйстве не плохо. Так что нет смысла, за питьевой водой ходить через ручей чистой воды! Так что живущие в раю азиатам не завидуют! Будь в

колхозе то, что один лозунг: «Было ваше – стало наше». Всяк старается угодить своему брату, свату, свояку и куму. В поле двое пахут, а остальные только руками машут. И полная кутерьма, и неразбериха, а где кутерьма, там жуликам пожива!

– Ты колхоз не игнорируй! – крикнул на Фёдора из президиума Грепа.

– Я не игнорирую, но сказываю вам и спрашиваю вас, загоня в колхоз вы случайно, нас не собираетесь держать в ежовых рукавицах? Да ещё я боюсь вот чего и опасаясь. Раньше крестьянство по зимам особенно в посты редьку ели, а вы, случайно, не собираетесь в колхозе-то нас хреном угощать?

Весь зал одобрительно гвахнул весёлым смехом.

– Не хотим колхоз, давай коммуну! – под общий гомон задорно выкрикнул Панька Варганов, пыхая табачным дымом в зал.

Где от скопления народа и без дыма было трудно дышать, и стояла невыносимая жарница. В зале снова поднялся такой гвалт, что не поймёшь.

Санька Лунькин гаркнул, что есть мочи:

– Ти-и-ши-и!

А когда зал несколько успокоился, из-за стола президиума встал Песикин и сказал в адрес Паньки.

– Ты дорогой товарищ, в коммуне-то, видимо не трудиться намерен, а с бабами забавляться, вишь ряшка-то у тебя на такое намерение смахивает!

– Да я и без труда социализму построю! – нисколько не

возмущаясь, отпарировал на упрёк Панька.

– А за что вы его пристыдили? – вступился за Паньку Фёдор, – вы же сами решили нас всех загнать в коммуны. Ведь сами же говорите о призраке коммунизма. Ведь был же первобытный коммунизм, где всё было общее и бабы, и ребятишки, вот вы нас и хотите превратить в первобытных людей, – раздражённого речил Фёдор.

– Ты, видать большой начётник, и откуда ты всё это знаешь, или поглядывал из-за угла, как живут первобытные люди, – урезонил Фёдора сидящий за столом президиума Ведерников.

– Он видимо больно грамотный, – вставил своё слово и Песикин.

– Грамотный, не грамотный, а советские законы вроде знаю, – стойко стоял на своём Фёдор.

– Ах, вон оно что? Значит ты законник, мы видим тебя насквозь и знаем, чем ты дышишь, проводишь кулацкую агитацию против колхоза, разлагаешь народ, – ополчился на Фёдора Васляев. – Товарищ Федосеев, чтоб не упустить его из виду, запиши-ка его. С ним, видимо нужно потолковать особобо! Он видимо про Соловки не слыхивал! Мы тебя заставим замолчать, и запретить всякую твою кулацкую агитацию, и вместе с кулаками отправим в Соловки, если не образумишься, – с остраткой сказал Васляев, наблюдая за поведением Алёши, который беспокойно ёрзал по скамьям и готов был пролить крокодиловы слёзы.

– Что ж, воля и власть ваша, мы с ваших руках, что хотите то и делайте над нами. Только я ведь плохого не желаю, а призываю вас к благоразумию. А вас видимо не разубедишь и не переспоришь. Сначала видимо надо молебен с акафистом отслужиться, а там уж браться спору с вами. Вы все друг за дружку горой стоите. А я всё же вам скажу: что жизнь в колхозе будет попахивать крепостным правом, которое когда-то пережило русское крестьянство. Вот и вы нам предлагает те же портки, только вывороченные наизнанку. А будешь вам правду говорить, вы страшаете! А от вас милости не жди, Бог не заступится, лукавый не поможет. Да из-за вас, не пойдёшь же за помощью к дьяволу. С вами, видимо, разговаривать, по правде, бесполезно получается, «Глас вопиющего в пустыне». Воля ваша, мы у ваших ног! Но нас голыми руками не возьмёшь! В колхоз меня будете загонять только через мой труп! – стоически закончил свою речь Фёдор.

Около Фёдора стали гуртоваться мужики, единомышленники молчаливо своим поведением сочувствуя ему.

– Видать, он у них главарь! – слышались перешёптывания в президиуме.

– Да ладно вам воду в ступе толочь, давайте ближе к делу, а то только переливаем из пустого в порожнее!

– Голосовали скорее бы что ли, – встрепенувшись от дремоты высказался Митька Кочеврягин, сидевший в середине зала.

– И на самом деле. Хватит ляды точить и тары-бары растабары разводить, пора и толк знать. А то получается вокруг да около! – поддержал Митька, вскочивший с места видимо дремавший до сего времени Степан Тарасов, и добавил, – По-моему тут долго калякать нечего, товарищи нас жали, жмут и буду жать! Я больше вам сказать ничего не могу, а мою речь, как хотите, так и понимайте! А от себя ещё добавлю, что миром положено, тому и быть так! Затем и щука в море, чтоб карась не дремал. Хотите голосуйте, хотите так, а меня записывайте в колхоз, больше выходу нет. Налогами замучаете! А нам кроме цепей терять нечего! – Степан сел.

Его не совсем грамотная, но взволнованная речь произвела на мужиков большое впечатление, а у некоторых присутствующих здесь баб выжала слёзы. Публика, на некоторое время пришла в замешательство, не поймут о чём сказал Степан, или он яро выступил против, или он безумно стоит за колхоз. Чтоб взять инициативу, на собрании в свои руки, Васляев для резвости слов выпив полстакана воды начал говорить:

– Ну, товарищи-мужички, давайте-ка ближе к делу. Давайте приступим к голосованию. Кто за колхоз, того прошу поднять руки.

Сидящие в зале взломлевшие от жары мужики и бабы разом зашевелились, в углу тревожно закопошились, слышались притаённые язвительные выкрики. Но на передних рядах, около сцены, вверх взметнулось несколько молоткастых

рук. Призидиумцы, вскочив с мест, стали считать голоса:

– Почти единогласно! – с довольной улыбкой проговорил

Васляев.

– Кто против? – спросил в зал Малкин.

– Почти никого! – констатировал он.

– А кто воздержался?! – спросил у зала Федосеев.

– А-а-а! Ты один! – смотря в упор на Паньку, голосовавшего за воздержание, удивился Малкин, но твой голос в счёт не принимается и колхоз, видимо, не твоего ума дело! А ты, товарищ Тарасов, раз за колхоз вот иди сюда к столу и распишись, что ты вступаешь в колхоз!

Степан, встав с места и шлёпая лаптями по приступкам поднявшись на сцену спросил:

– Где тут расписаться-то?

– Вот тут! – сказал ему Федосеев.

И Степан вместо отчётливой росписи, поставил в списке против своей фамилии, какую-то замысловатую загогулину.

– А ты бы начинал свою роспись с заглавной буквы! – хотел подучить Степана Федосеев.

– Вступая в ад и этой заковирочки хватит! – отшутился Степан.

В зале дружно засмеялись.

– Уж больно вы забавно нас увещеваете, в колхоз прямоком заманиваете, слушать вас селезёнка от радости трепещет! Только иногда вы немножко забалтываетесь и завираетесь! Забрали всю власть на селе в свои руки, и делаете над

нами, что вздумаете! – как бы взамен своей росписи, развязано высказался Степан на сцене.

– Ты вступать так вступай без оговорок, и не вводи народ в заблуждение, вставляя палки в колёса мы никому не позволим, – рассерженно пригрозил Степану Песикин.

– А мы и так заблудились, бога забываем, совести в нас не стало, правду кривда одолевать стала! – пробурчал Степан, сходя со сцены.

Некоторые мужики записались тут же на собрании, некоторые, отговариваясь, что дома посоветуются с бабами и подадут письменные заявления завтра, а Василий Самойлович, от имени закоренелых единоличников сказал:

– Без письменных заявлений нас принимайте, а то только через наши трупы!

За столом президиума пошептавшись посоветовались между собой, объявили:

– Ну ладно, если не хотите писать письменные заявления и ставить под ними свои росписи, то и без заявлений принимаем! Кого из вас писать первым?

– Вот антихристы, навязались на нашу шею! – бормоча выругался Василий и видя, что власти идут на всё, выкрикнул: – Тогда пишите первым-то меня. «Эх, хорошо, – сказал мужик, а сам заплакал» – добавил он, садясь на своё место.

Записали и Анания.

– Ну, всё что ли? Кончайте собрание-то, здесь больно накурено и жарко! Лампа-то того гляди загаснет!

– Пошли мужики на волю! – слышались выкрики из зала в адрес президиума, от мужиков, которые готовясь к выходу, почти все повставали с мест и ожидающе устремили свои, вспотевшие, красные словно подсолнечники, в сторону сцены, ожидая закрытия собрания.

Да и членам президиума изрядно надоело сидеть и томиться в жаре. Федосеев, записывая желающих вступить в колхоз, здесь не выходя с собрания исчеркал целый лист бумаги, второпях он списком этот вёл так небрежно, что и самому было мудрено разобраться кто тут записан и сколько количеством. Мужики, выходя из душного помещения сладко раскуривали, переговаривались меж собой:

– Мужики, а один представитель из раёну-то так и ест всех глазами так и есть. Видно, агент из ГиПиУ! Хотел я ему из зала выкрикнуть, да побоялся, как бы не забрали!

– Вот ещё чего выдумал, нам ерепениться ни к чему, у них не заржавеет.

– Вот ты Василий Самойлович, выходя из избы-читальни сказал: «Пойдёмте на волю!» Нет, уже теперь волюшки нам больше не видывать, раз в колхоз попадём, в кабалу попадём! Помяни моё слово.

О выходе из колхоза

Случайно встретил на улице Матвей Кораблёв Василия Самойловича и сразу к нему с вопросом:

– Слушай-ка, в себе прослышалось, как будто ты в колхоз записался?

– Да! Теперь я вольный казак! А что? – отшутился Василий на вопрос Матвея.

– Налетел с ковшом на брагу, и чего ты в колхозе-то не видывал.

– Да я и сам не рад, что вбукался в эту яму, и от жены дома житья не стало!

– Да уж это верно! За этим правом в колхозе-то будешь только в хомуте ходить, из работы не вылазить. Не возводишь свету вольного, – пострашал его Матвей.

– Да, на собрании-то не я один с ума-то спятил и Анания в колхоз записали!

– Так вот, сегодня вечерком зайдите-ка с Ананием-то ко мне в дом, поговорим о колхозе и о том, какую нам жизнь сулят товарищи. Да прихватите с собой и Фёдора, – не прощаясь наказал Матвей Василию, отходя от него.

– Ладно, зайдём! – пообещался Василий.

Не усело ещё смеркнуться, а Василий уже был у Анания.

– Слушай-ка, Ананий, позавчера я только заявился с собрания домой и тут же спохватился, и как это мы с тобой

такого маху дали?!

– Я, как только объявил своей бабе, что в колхоз записался, так она меня ухватом.

– Да и я эти дни себе места не нахожу, обе ночи не спал. В голову прёт какая-то сумятица, – отозвался Ананий. – Да я вовсе и не просил их меня записывать-то, они сами с самовольничали, – встревоженно добавил он.

– Ты вот что, Ананий Петрович, пойдём зайдём за Фёдором и пойдём-ка к Матвею Кораблёву, он что-то велел нам зайти к нему.

На улице совсем стемнело. Ананий, Василий и Фёдор, постучавшись в сенную дверь вошли в просторную избу к Матвею. Хозяин попросил гостей пройти в боковушку, где при скорбном свете лампы коптюшки повели разговор на тему предстоящей неутешительной жизни.

– Ну, что, Ананий Петрович и Василий Самойлович, видимо и вы сладкой жизни захотели? – с насмешкой над единомышленниками начал беседу хозяин. – И на что только позарились, иль захотели попробовать от быка молока? – с издёвкой над Ананием и Василием продолжал он.

– Да мы и сами спохватились уж! – виновато оправдывались озабоченные мужики.

– Ведь они вон как в колхоз-то заманивают, бают, русский мужик, как тридневной телёнок, его в молоко мордой суют, а он брыкается, так и мужик, ему партия новую привольную жизнь преподнести хочет, а он подобно телёнку упирается.

Издали ведя разговор, Матвей добавил:

– Только если телёнок-то совсем отбивается, то от него отступаются и подпускают под корову, а вот с народом-то товарищи, поступают иначе, хотят силой загнать в колхоз. Да они видимо решили присвоить насильственной лозой, и труд, и собственность, и время земледельца! – начитанно высказался Фёдор.

– Да ваш-то Алёшка, что бают он в совете вес большой имеет? – обратился Василий к Фёдору.

– А я пёс его знает, он отделён и мне не подчиняется, он в партию вошёл и за неё горой стоит! – с негодованием отозвался Фёдор.

– Недаром он перед сельскими-то правителями лебезит, подхалимничает и мелким бисером рассыпается, и из себя какую-то манду Ивановну корчит! – с критикой в адрес Алёши высказался Ананий.

– Вот должность хорошую займёт, жирок на брюшке наращивать станет, вот он чего, видимо добивается! – заключил Матвей. (85)

– А председатель-то совета бают, вдовец и я слышал ему, будто, и баба-то совсем не нужна, у него, будто, невест – ха! – под общий весёлый смех высказался Василий.

– Ну это конечно, к нашему сегодняшнему делу не относиться, а вы о деле-то байте, – всерьёзничал Матвей. – Ведь добровольно в кабальный хомут лезем! – с негодованием добавил он.

– А я, тем, кто вошёл в колхоз, не завидую, за зиму они все оттуда разбегутся! – мечтательно сказал Фёдор.

– Товарищи-то вон, как стараются, из кожи лезут, долмо-чут, доказывают, чёрное, чтобы за белое принимали.

– А, по-моему, кроме ещё невиданной кабалы они нам своим колхозом преподнести ничего не могут! И будет так! Раньше крестьяне играли на помещиков, теперь будут играть на колхоз. Всё вверх дном пойдёт И будут люди жить как в аду кромешном.

– Властители превратят народ в собственность Государства, и будут над людьми изошрённо измываться, всячески ущемлять права и свободу человека! – философски с утрашением высказался Матвей.

– «Блаженны жаждущие правды!» – горестно вздохнув проговорил Фёдор. – Да нет уж, тогда правды не жди, когда полностью над селом будут управлять не те, кто благоразумен и честен, а те, кто потерял совесть и стыд, тот и будет сыг!

– В общем, на селе будут властвовать гольтепа и угнетатели! Вот уж попьют нашей честной кровушки! Одно вероломство и беззаконие будет, и с большими начальниками об этих безобразиях побайть не добьёшься, то им не коли, то недосуг.

– А высказаться под горячую руку, когда во всём нутре горит, так хочется, а получается, как в стену горох! – обидчиво заметил Фёдор.

– И заметьте, пожаловаться-то некому, они друг за дружку горой стоят и из любой воды сухими вылезут. На каждом месте не человек, а должность, – поддержал Фёдора Матвей.

– Да видно нам мужичкам придётся влачить жалкое существование, и, видимо, на нашем теле живого места не останется, когда мелкие начальники будут чужими руками жар загребать! Растудыт твою мать! – досадливо выругался Василий.

– А на словах будут провозглашать, что мы свободны. Но собака, шедшая на поводке за хозяином тоже свободная, но собака чуть сверни с дороги, хозяин властно дёрнет за поводок, ошейник больно врежется в собачью шею! – образно высказался Фёдор.

– Ты Фёдор больно усердно высказываешься, наводишь тень на ясный день, как бы за такое-то суждение, в ГПУ не угодить! – шутливо заметил Василий.

– У них это не заржавеет! Огни вероломно вторглись в хозяйство крестьянина, нахально влезли в доверчивую душу мужика, и что хотят над ним, то и делают. И, к примеру, хлеб-то, выращенный в колхозе, спровадят туда, куда им надо, а колхозникам одну мякину отдадут, – нарисовав мрачную картину предстоящей жизни, пророчески высказался Матвей.

– Это выходит, как в сказке: «Нам вершки, а вам корешки!» – улыбаясь заметил Василий.

– Выходит так! – утвердил Матвей. – Это же никак не на-

зовёшь порядком, а одно вероломство, да и только! – возмутился Ананий.

– Ну, вы Ананий и Василий вот что, прямо отсюда же идите на квартиру к Федосееву и Христом богом просите его, чтоб он вас из колхоза вычеркнул, так мол и так. Чёрт попутал! – научал Матвей мужиков, чтобы они немедленно из колхоза выходили.

Выйдя от Матвея, Фёдор направился домой, а Василий с Ананием пошли к Федосееву на квартиру, благо он ещё не спал, в окнах его комнаты виднелся светлый огонь. Как только Василий и Ананий переступили порог, они разом сняли шапки в знак раскаяния символически-демонстративно, бросили их к ногам Федосееву.

– Как хошь Миколай Алексеич, а нас из колхозу выписывай! – требовательно заявили они, – мы тогда на собрании грубую ошибку допустили, не хотим жить в колхозе и баста!

Федосеев, стоя посреди комнаты, с презрением посмотрев на поздних гостей, спокойно проговорил:

– Ну что ж, если вы так требовательно настаиваете. Можем и выписать, только смотрите, как бы вы не спохватились!

Выходцы из колхоза и лошади

К весне 1931 года, из колхоза повышло много крестьянских хозяйств, которые испугавшись трудностей, дали попятную и решили вести своё хозяйство, снова единоличным путём. Выходу из колхоза, посодействовало то, что в народе было много разнообразных толков и споров. Немалую роль в этом сыграли высказывания Фёдора Крестьянинова, который примыкая к собравшимся группами мужиков и баб, словесно вёл свою философию, подкрепляя свою речь выдержками из Библии, в которой читая, он хорошо разбирался и по праву считался у сельчан здраво рассудительным начётником. Колхоз, это наподобие Вавилонского столпотворения. Безумному Вавилонскому народу вздумалось на небо залезть, чтобы властелином быть над всем миром, они решили столп построить до самых небес. Строили, строили и ничего не получилось. Только среди их получилась смута и непонимание. Мастера просят подносчиков, чтоб те камни подносили, а они им песок волокут, просят раствор подавайте, а им гвозди преподносят! Вот с тех пор и люди на земле на разных языках разговаривать стали. Вот до чего безумие-то доводит! Так и сейчас в колхозе все работают, стараются, суетятся, как муравьи в кочке, а толку от этой суетни мало.

– Значит ты сам-то и не думаешь в колхоз-то вступать? –

спросил Фёдора как-то однажды сосед Василий Савельев.

– И не помышляю. Я и правителям прямо заявляю: «Хоть стреляйте, а в колхоз, в эту провальную яму не пойду!» А если налогами будут мучать, раскулачивать, да из моего хозяйства чего силком будут брать, то они пройдут только через мой труп, – упорно, в категорической форме заявил Фёдор, и начётнически добавил: – Я как древний знаменитый полководец Аннибал, который будучи ещё девятилетним мальчиком перед алтарём дал клятву отцу о непримиримости к Риму, так и я дал клятву себе не вступать в колхоз, потому что он есть тартарары от лукавого! Хоть правители-то, заманивая в колхоз обещают людям привольную жизнь, но ведь это всё ложь и голые слова, ведь заманчивых масляных слов в русском лексиконе непочатый край, – козырял Фёдор перед собравшимися у него в доме мужиками и бабами, соблазнившемуся приманкой, карасю и попавшему на крючок, или цыплёнку, оказавшемуся в когтях ястреба, по-моему, завидовать не стоит! – с загадочностью добавил собравшимся Фёдор.

Разнотолковые, ходившие по селу слухи возымели влияние на жителей села по-разному. Вступившие в колхоз бедняки, у которых в хозяйстве для обобществления почти ничего не оказалось, решили ещё крепче держаться за колхоз, а тех, которые в колхоз добровольно свели свою лошадь, сдали свой исправный инвентарь нажитый своим трудом и со-

держав его в надлежавшей исправности своими трудовыми мозолистыми руками, день и ночь грызла мысль: «Неужели я так умом рехнулся и на всё время саморучно свёл свою лошадь на колхозный двор, и теперь гляди из чужих рук, когда дадут поработать на своей лошади, а то и чужую, какую-нибудь паршивую лошадёнку всучат! Нет, выпишусь из колхоза, пойду и приведу снова на свой двор своего гнедового». И шли группками, и в одиночку на колхозный конный двор, потайно и въявь выводили своих лошадей и вели на свои двора. Представители власти и руководство колхоза, спохватившись вовремя, и осознав, что выход из колхоза крепких середняцких хозяйств может пагубно отразиться на всём колхозном строительстве. Если не принять строгих мер, то колхоз может совсем развалиться. Было созвано экстренное заседание правления колхоза, совместно с сельским активом, на котором был поставлен вопрос о том, как уберечь колхоз от развала. На заседании правления также присутствовал и представитель от райкома партии всё тот же Васляев, который наряду общегосударственной политикой, подкрепляющейся лозунгом: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», коснулся неизбежности колхозного строительства, которому мешает частная собственность и кулацкой агитации, как главной причины, разлагающей колхоз. Он призвал активистов, чтобы избежать дальнейших неполадок, надо прежде всего, размежеваться с кулаками и вообще со всеми негодными элементами, которые всячески вредят кол-

хозу, а кулаков вообще надо ликвидировать, как класс, к этому призывает нас наша партия!

– С кулаками нечего валандаться, в Соловки их и баста! – выкрикнул с места Мишка Грепа, физически не перенося сельских кулаков, торговцев и мельников.

– Нет, не в Соловки, а к стенке их и расшлёпать! – своим выкриком поддержал Грепу Мишка Ковшов, тоже ярый противник сельских богатых мужиков.

– А особенно тех, кто самовольно скотину режет! – поддакнул обоим Мишкам и Степан.

– А разве, к примеру, я своей скотине не хозяин? Кто её выращивал ты или я? – не выдержав, и набравшись отважной смелости возразил Степану Николай Ершов, числившийся в сельском активе и присутствующий здесь на заседании, но рассуждениями своими не всегда угождающий властям.

– Ты Николай Сергеич, не со своего ума это сказал, а с чужого языка брякнул. Ведь всем известно, что не ты скотину-то режешь, у тебя её нет и не заветалось, так что не защищай тех, кто хищнически скотину режет, и тем самым нам палки в колёса втыкает, и льёт воду на мельницу классового врага. – злобно обрушился на Николая Степан.

– Как это у меня скотины не заветалось!!! А разве ты не знаешь, у меня во дворе коза имеется и кур полон двор, – пробовал с обидой возразить Степану Николай, но, его никто не слушал, так, как чтоб особенно не затягиваться с решением злободневного вопроса снова начал говорить Васляев:

– Как диктует партия, и как у нас в райкоме было намечено, так мы, пожалуй, и приступим к делу конкретно. Давайте так и порешим. Уводу лошадей с колхозного двора положить конец. У тех, которые сознательно, или бессознательно увели лошадей отобрать и снова поставить в колхозные стойла. И давайте-ка здесь, сейчас же составим список кулаков, торговцев и мельников, которых надо раскулачивать и выселять из села в Соловки, такова политика нашей партии на сегодняшний день! Если же для этой трудной работы вам спонадобится помощь, то мы из района вам пришлём пару милиционеров! – так в категоричной форме закончил свою речь Васляев.

Тут же, наспех был составлен список кулаков подлежащих выселению с их семьями в необжитые места нашей необъятной страны. Чтобы этот список заимел обоснованную силу, чтоб утвердить его, активисты проголосовали.

– Кто за то, чтобы список выселенцев утвердить, прошу поднять руки! – провозгласил председатель сельсовета Иван Дыбков. – Кто против? Нет! Значит единогласно! Решение берётся за основу, а подробности мы подработаем особо, – провозгласил он. – Больше вопросов на повестке дня нет, заседание правления считаю законченным, можно по домам! – заключил заседание председатель колхоза Федосеев.

Отбирание лошадей

Как и было обещано, из Арзамаса в Мотовилово прислали милиционера Никитина, который для острастки должен присутствовать при отбирании лошадей, у тех вышедших из колхоза которые устрашившись колхозной жизни, сами из колхоза ушли и лошадей своих увели. Перед тем, как пойти по дворам с целью отбирания лошадей, комиссия, созданная для этого дела, собралась в здании сельсовета на инструктивное совещание. Председатель колхоза Федосеев сам не вошёл в эту комиссию, а инструктаж её членам он давал лично сам. Остерегаясь особы, нежелательных конфликтов, которые могли возникнуть в возможных спорах и сопротивлении со стороны разлюбленных бывших колхозников, Федосеев особенно предостерегал милиционера!

– Ты, Никитин, в случае сопротивления не стреляй, а только попугай для виду, почаще похватывай за кобуру, а стрелять не надо, а то на выстрел могут сбежаться много народа и всё дело загубится!

– Ладно, – пообещал Никитин, – не буду!

К первому в дом пришли к Борису Владимиру. Председатель комиссии Иван Дыбов, начал словесно уговаривать хозяина, чтобы тот без всякого сопротивления по доброй воле возвратил в колхоз уведённую им с колхозного двора лошадь. Члены комиссии Грепа, Мишка Ковшов и Никитин

стояли у порога и ждали исхода мирного уговора хозяина о возвращении лошади. Володина мать, престарелая сгорбившаяся старушка, притаённо выглядывая из чулана бессловесно, мимикой лица, сморщенного как печённое яблоко, показывала сыну, чтобы тот не поддавался никаким уговорам, и твёрдо держался своей линии, не под каким нажимом не отдавал со двора своей лошади. Мирные уговоры не поимели силы, дело приняло затяжной характер. Члены комиссии забеспокоились, и невыдержанно хлынули во двор. Разгорячённый хозяин последовал за ними, следом из избы заголосив выползла и старуха. Грепа, широко расхлебавив ворота стоял у воротного столба, Мишка Ковшов, судорожно схватив с кола уздечку, мигом обротал «Чалого» и поспешно повёл его к раскрытым воротам. Бабушка, слезливо плача и причитая изловчившись цепко вцепилась за хвост лошади и стараясь воспрепятствовать уводу в упорстве своём, хотела задержать ход лошади, но влекомая за повод лошадь, шла и шла, не ощущая задержки со стороны старушки-хозяйки. Не выпуская из рук лошадиного хвоста, старушка хряснулась на землю и болезненно взвыла. Растревоженный материным криком Володя бросился к Мишке Ковшову и в приливе бешеного сопротивления, выхватив повод из рук Мишки гневно заорал:

– Не отдам! Не позволю увести «Чалого»!

На помощь Ковшову бросился Грепа. Завязалась кутерьма, из рук хозяина Ковшов и Грепа старались вырвать по-

вод упорно сопротивляясь и бессвязно ругаясь рыча, хозяин не выпускал повод из своих рук. Не выдержав нудности, этой склочной переминки и борьбы милиционер Никитин, стоявший на улице, трепетной рукой выхватив наган из кобуры и устрашающе два раза пальнул в воздух. Эти, тупо полыхнувшие, в по-весеннему нагретом воздухе, выстрелы, разом отрезвили хозяев лошади, и порешили исход дела в сторону комиссии. Хозяин лошади, заслыша угрожающие выстрелы, сразу как-то смяк, вяло стал сопротивляться изъятию, его пальцы медленно и беспомощно расслаблялись, выпуская из разжимавшихся ладоней повод уздечки в которой обротан его «Чалый», жалобно всхрапывая с покорностью ждавший исхода скандального дела. На звуки выстрела, сбегались взволнованные мужики и бабы, кто со слезами на глазах, кто с затаённой злобой за вероломство и произвол комиссии стояли и молчаливо наблюдали за происходившей на их глазах драматической сценой, а некоторые осмелев, со злобой упрекали отборщиков. Видя, что народ не сочувствует комиссии, а накаляет обстановку, Никитин раздражённо закричал на толпу:

– А вы чего тут собрались и глазами лупите? А ну-ка марш по домам!

Раскулачивание и выселение

О дне выселения из села кулаков, было созвано тайное совещание в узком кругу сельского актива, было конкретно обусловлено о том, кто и что обеспечивает во время выселения. Кто обеспечивает транспортом-подводами для размещения на повозках семей и скарба выселенцев, а кто обеспечивает непосредственно вывод самих этих выселенцев из их собственных домов. Непосредственное выдворение кулаков и их семей из домов было поручено, как особо способных на это – Мишке Ковшову, Пайке, Грепе и Саньке Лунькину. Подводами обеспечить поручено Степану. Было наказано соблюдать тайну. Но тайна является тайной только тогда, когда о ней знает только один человек, узнай об ней двое, и тайна уже не тайна! Глубокой майской ночью в окошко кулака Павлова Алексея, кто-то судорожно и предупредительно побарабанил и ушёл.

По улице, направляясь к дому Павловых, шла бригада сельских активистов во главе с председателем сельсовета Иваном Дыбковым, с целью выселения семьи из дома. Маскируясь ночной теменью, на встречу бригаде рысью шёл верховой. Слышно было, как громко ёкает лошадиная селезёнка. Дыбкову, верховой показался подозрительным, он громко гавкнул: «Стой!» В ответ, верховой ядовито матерно вы-

ругался и пришпорил коня. Конь перешёл на галоп. Разозлённый Дыбков выхватив из кармана «браунинг» – выстрелил верховому вслед. Пуля, взвизгнув, с пчелиным жужжанием пролетела в пространстве, чмокнулась об ствол ветлы, отцепила коры лоскут.

– Ну черт с ним! – со злобой выругался Дыбков. – Гнаться за ним нет смысла, мы ведь идём по делу!

Кто предупредительно постучал в окно Павловых, и кто такой был верховой, осталось загадочным, как для Павловых, а также и для активистов. Когда бригада вошла в дом Павловых, вся семья была на ногах, впросонках в одном нательном белье как ошалелые все бродили по обеим избам не понимая, в чём дело. Шумной толпой в избу вломилась нежданная и непрошенные «гости», заставили хозяина зажечь огонь. Видя, что вся семья полуголые, преисполненный злости Дыбков приказал всем раздеться до гола, и построиться в ряд. Как солдат на парадном смотре – молодой снохе, как новому человеку в кулацкой семье, Дыбков из милости и гуманности разрешил остаться в нательной рубашке. Вся семья во главе с хозяином Алексеем Алексеевичем выполняя приказ, совсем голые выстроились в один ряд. Какое же было моральное состояние в этот момент, девке-невесте Дуняшке, смотреть на оголённых отца с матерью и двоих братьев?!

– Мы, тебя Алексей Алексеич, решили пока не ссылать в Соловки, а только по-честному признайся, где у тебя спря-

тано золото, и нет ли около тебя бумаг-документов, порочащих нас, и вообще, чего недозволенного? А золото, которое, по нашим сведениям, у тебя всё же имеется, без утайки, и скандалу добровольно сдай! – кратко произнёс Дыбков.

– Нет у меня никакого золота и особых бумаг нету! – дрожа всем телом ответил Алексей.

– Ну этим вопросом дополнительно займётся ГПУ, а из дома тебе, и всей твоей семье придётся выдвориться сейчас же! – со строгостью высказался Дыбков. – «Мир хижинам, война дворцам!» – добавил он.

– Я покину свой дом только тогда, когда меня вперёд ногами вынесут! – пробовал сопротивляться произволу хозяин.

– Ну, собственно говоря, за этим дело не встанет, ведь партия решила ликвидировать вас кулаков, как негодный класс, – отчеканил Дыбков.

– А кто нами правит? – задал неуместный вопрос Павлов.

– Кто «нами» правит, это не твоего ума дело, а вот вами, кулаками, уже никто не намерен править, и мы вас к ногтю! – срезюмировал Дыбков.

– «Бог не заступится, лукавый одолеет!» – с дрожью на губах высказался напоследок Алексей и обращаясь к своей семье добавил, – пошли мои родимые, раз приказывают покинуть свой родной дом, видно нам тут не дадут житья!

Одевшись, кто во что попало, все члены семьи вышли из дома. А по всему взбудораженному селу, во всех улицах и по всем концам его и проулкам уже шла полная кутерьма и су-

матуха, всюду слышен рёв детей, взвизгивание и оханье подлежащих выселению, слезливые вздохи посторонних наблюдателей и тревожное ржание лошадей, тоже взбудораженных неурочным подъёмом из в запряжку, в телеги под подводы для отправки выселенцев, их ребятишек и домашнего скарба для отвозки на станцию «Серёжу». Особенно тревожным было выселение семьи кулака Михаила Ермолаевича Лабина, в семье которого было четверо малолетних детей, которые внезапно поднятые ото сна, жалобно ревели, когда их посажали на повозки с их скарбом.

Так происходило выселение кулаков!
«Мир хижинам, война дворцам!»

На обложке использована фотоматериал Шмелевой Александры Александровны